

АЛЕСЯ ТРОИЦКАЯ

СТИХИЙНИК

СЕРДЦЕ ПЛАМЕНИ

Стихийник

Алеся Троицкая

Стихийник: Сердце пламени

«Автор»

2023

Троицкая А.

Стихийник: Сердце пламени / А. Троицкая — «Автор»,
2023 — (Стихийник)

Ивонет — принцесса с необычным даром, который приходится скрывать. Она мечтает выйти замуж за великого правителя, сплотившего пять королевств, обрести любовь и счастье и наконец избавиться от своего проклятого дара. Но все её мечты в одночасье рушатся. Остаются лишь боль, разбитые надежды и смертный приговор. Но судьба подкидывает решение: чтобы избежать гибели, ей нужно отыскать древний храм на краю света. А для этого нужно сперва освободить узника, что таит в себе стихию огня, и заключить с ним непростую сделку...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алеся Троицкая

Стихийник: Сердце пламени

Глава 1

Темнота, слепящая глаза. Промозглость, пробирающаяся под тонкий хлопок рубашки. Сырость стен от соседства с подземным источником. Странные пугающие звуки, вырисовывающиеся в воображении монстров. И многотысячная толпа, шагающая за огоньком чадающего факела своего вожака.

Возможно, не тысячи, но для ребят, следующих за отцом, их было великое множество. Сколько бы мальчишки и девочка ни оглядывались, огоньки более мелких факелов уходили далеко и терялись в извилистом коридоре нескончаемых подземных лабиринтов.

– Ланар, мне страшно... и я устала. Скоро мы дойдём? – Хрупкая девочка с растрепанной косичкой сжала руку старшего из братьев, чьи серые глаза выдавали умиротворение и покой.

– Не бойся, Вирра, – Ланар мягко улыбнулся, – ты же знаешь, я не дам тебя в обиду. Еще немного – и мы будем на той стороне.

– Правда?

– Правда. Наши отец не может обманывать.

– А тот мир и правда так прекрасен, как он рассказывал? И там нескончаемые реки, и деревья, и земля, что подарит нам много еды?

– Думаю, даже лучше.

– И там есть крылатые люди? – с придыханием спросила девочка, распахивая такие же глубокие серые глаза, как у брата, представляя это чудо.

– Даже не сомневаюсь. Разве отец когда-нибудь нас обманывал?

Девочка сморицла лобик и задумалась, но внезапно ей за шиворот скользнуло что-то холодное, липкое и мерзкое. Она в ужасе закричала, а за её спиной раздался задорный смех:

– Глупая Вирра, это всего лишь лягушка!

– Райнхард! – с укором бросил Ланар, помогая сестре избавиться от напасти. – Сейчас не время для твоих игр.

Лягушка ворчливо заклокотала и, перебирая лапками, выпала из плена душиного платья.

– Подумаешь! Весело же было. Смотри, как сын Дериха хохочет, еще немного – и толстяк лопнет.

– Сейчас лопнешь ты! – засучивая рукава безразмерной рубахи, к ним подошел высокий мальчишка с темными волосами и тяжелым взглядом карих глаз. – Живо проси прощения у Вирры, а то...

– А то что?

– А то я поколочу тебя так, что не останется больше дыры в твоей пустой голове!

– Только попробуй, Янар! – оскалится Райнхард, выставя кулаки для драки.

Мальчишки уже были готовы вцепиться друг в друга, но мужчина, появившийся за их спинами, дернул обоих за ворот и тряхнул, как нашкодивших котят:

– А ну остыньте! Еще братья называются!

Он развернул их, показывая, что из-за глупой выходки процессия людей замерла и они стали переешептываться, вытягивая шеи и желая узнать, что стало причиной задержки.

– Прости, отец, – понуро опустил голову Янар, признавая вину. – Больше я тебя не подведу! – Он гордо задрал подбородок и отошёл к Ланару и хныкающей Вирре.

– Ну а ты будешь просить прощения, Райнхард? – серые глаза отца смотрели холодно.

– Прости, – с непомерной обидой бросил мальчик, вырываясь из захвата. – Прости, что хотел вас развеселить! – И, сверкая недобрым взглядом на своих братьев и сестру, прошипел: – Ненавижу! Ненавижу вас всех и надеюсь, что когда-нибудь вас заберёт бездна! Особенно тебя, Янар, самый гадкий из моих братьев!

Она лежала на спине, раскинув руки в стороны. Не заботясь о дорогом шёлке, расшитом серебром, о волосах, убранных в красивую причёску, и жемчуге, рассыпанном рядом. Ни о промозглой земле, от которой кожа покрывалась мурашками. Внутренний взор девушки был направлен на видение. Странное, непонятное, иногда пугающее, но пропитанное надеждой и искренней верой в лучшее. И неважно, что часть истории была показана глазами детей: возможно, кольцо, что она подобрала, принадлежало кому-то из них. Главное, что она прикоснулась к чему-то волнующему.

Она бы и дальше могла пребывать в грёзах и додумывать кусочки истории, чувствовать и проживать эмоции тех людей, достраивать мозаики, строить предположения, но холодный и пренебрежительный голос матери заставил её испуганно распахнуть глаза.

– Леди Ивонет Кэтрин Аллендорф! Долго еще вы собираетесь порочить славную фамилию нашего рода? Что за неподобающее поведение? – янтарные глаза леди Сэльги Аллендорф, королевы Таврии, стали холодными.

Хотя холодными они были всегда: принцессе Ивонет стоило больших усилий вспомнить, когда её мать смотрела с одобрением или теплотой. Всегда расчёт и цинизм. Безупречность не только во внешнем виде, но и в движениях. Контроль каждую секунду, даже во сне. С раннего утра мать выглядела так, словно всю ночь прихорашивалась.

– Простите, леди Сэльга, я только...

– Только что? Решила испортить платье, над которым не один месяц трудились лучшие мастера? Или сделать волосы похожими на гнездо? А может... – леди Сэльга не успела оформить мысль в слова, как взгляд её метнулся к раскрытой ладони, на которой лежало массивное кольцо из необычного сплава. Светлого серебра с тончайшими чёрными прожилками. Округлившийся в испуге рот и брезгливость были громогласнее любого порицания. – Как ты посмела?! – рука в плотной перчатке замахнулась, но не нанесла удар, а с силой обхватила девичье запястье, заставляя маленькую ладошку разжаться и выронить кольцо. – Ты совсем обезумела! – леди Сэльга Аллендорф тревожно оглянулась на стражей и понизила голос до шёпота: – Решила выставить своё уродство напоказ?

– Это не уродство, а всего лишь видение.

– Я знаю, что такое видения, и с твоим уродством они не идут ни в какое сравнение. Если жрица посещает ведение, он не валяется в припадке и не орёт, как обезумевший.

– Но я над этим не властна. Видения слишком живые.

– Именно для этого и существуют правила... и это! – женщина тронула носком туфельки длинную чёрную перчатку дочери. – Надень немедленно и не смей никогда снимать. Если кто-то из подданных Минфрида узнает, что будущая королева Далирии одержимая, они начнут сеять слухи и домыслы и мы можем потерять самого могучего из союзников, а этого допустить нельзя! Не после того, как безумный Олдрик объявил себя главой независимого королевства и решил оспорить рудники на границах наших с ним земель. Если Минфрид откажется от тебя, не видать нам ни его войска, ни троготов, и тогда Олдрик со своими уродами перегрызет нам хребет. Говорят, один из них – настоящий альх, а ты даже представить не можешь, какая это сила. Остров Ведающих стёрт с лица Линнея благодаря одному из них. То же самое может произойти и с нашим королевством! – женщина подняла руку. – Один взмах – и всё, что тебе дорого, перестанет существовать. Ты понимаешь это, Ивонет? – Сэльга потрянула дочь.

Девушка поморщилась от боли.

– Но король Минфрид в любом случае узнает о моём «уродстве». Как только... коснется меня.

– Это будет уже после свадьбы, – морщинки на лице Сэльги разгладились. – Я давно знаю Минфрида, он не глуп, и когда узнает о твоей маленькой тайне, будет крайне рад и найдет ей грамотное применение. Верно я предполагаю, милая? – Сэльга в плотных перчатках схватила дочь за острый подбородок, заставляя смотреть ей в глаза.

– Верно, матушка.

Женщина сморщила носик.

– Простите... Верно, леди Сэльга. Вы, безусловно, правы, – Ивонет опустила взгляд и поникла головой.

– Ох, великий покровитель, как мне с ней непросто! – королева Таврии закатила глаза, изящно замахала веером и направилась в свою карету, приказав Тельману, старшему стражнику, присматривать за принцессой и особенно следить, чтобы она не смела снимать перчатки и поднимать с земли всякую дрянь.

«Кэти, что случилось? Ты плачешь?»

Как только принцесса уселась в карету, на колени к ней прыгнула белая юркая ласка. Она привстала на задние лапки и заглянула девушке в глаза.

– Нет-нет, Лима, всё хорошо. Просто соринка.

«Знаю я эти соринки! Слышала, как королева раскричалась. Что ты опять учудила?»

Девушка качнулась, когда карета тронулась, придержала зверька и тихонько шепнула:

– Я подняла кольцо, – она раскрыла ладонь, обтянутую темным атласом, и показала свою находку, которую украдкой всё же забрала с собой.

Если бы звери могли изображать эмоции, у ласки отвисла бы челюсть, а так только слегка приоткрылся крохотный рот.

«Если твоя мать узнает, она тебя...»

– Не узнает, я его спрячу.

«Уверена?»

– Да. Не бойся, Лима, я буду аккуратной. Смотри, какое оно замечательное, – девушка с улыбкой покрутила кольцо. – Тяжелое... Как думаешь, кому оно принадлежало?

«Тебе виднее. Что оно показало, когда ты к нему прикоснулась?»

– Не знаю точно. Каких-то детей.

«Детей?»

– Да, и много людей, очень много, они шли в подземных лабиринтах.

«Ого! А что потом?»

– А потом я услышала его чувства. Хозяин кольца грезил надеждой, как и все люди, мечтал о чём-то великом, о новом мире. А ещё он хотел быть полезным.

«О, и тебе не было страшно?»

– Нет, ни капельки. Можно сказать, это было одно из светлых воспоминаний. Мне оно понравилось. Я представила, что тоже иду бок о бок с этими людьми и мечтаю, что в конце пути будут и реки, и плодородные земли, и даже крылатые люди... – Ивонет мечтательно закатила глаза, откидываясь на обитую синим бархатом стенку, потом резко подалась вперед и посмотрела на ласку: – Лима, а если это было пришествие?

«Что?»

– Ну, мы знаем, что божественный Альхард привёл с собой первых людей. Может, это были они?

«Глупости, ты не могла найти настолько древнюю вещь. Кэти, не выдумывай! Да и как можно верить легендам? Все они – выдумка!»

– Да, наверное, ты права, – кивнула девушка, соглашаясь с единственным другом. – Но я обязательно гляну, какие ещё воспоминания хранит это кольцо, – она аккуратно завернула находку в платочек и спрятала во внутренний карман.

Вестхард, как и всякая столица королевства, выглядел помпезно и величественно. Аккуратные чистые улочки, широкие проспекты, домики (чем ближе к центру, тем богаче и выше), беспорядочно снующий люд. Тут и ремесленники, и торговцы, кричащие наперебой о лучшем товаре, и праздные прохожие, спешащие за длинной вереницей карет и конных всадников, несущих перед собой зеленый стяг Таврии.

Все они шли к стенам замка, чтобы хоть одним глазком увидеть загадочную принцессу, которую прочат в невесты их повелителю – королю Минфриду. Почему загадочную? Потому что о ней ничего не знали, кроме того, что у нее ангельский лик и кроткий нрав. Говорили, её отец так суров, что запер дочь в башне, дабы она сохранила добродетель и чистоту разума, а грязь этого мира не коснулась её души.

И в чём-то они были правы: он действительно её запер, но не для распевания молитв и прочих глупостей, а чтобы её дар не стал достоянием общественности. Он так боялся его случайного проявления, что оградил мир от дочери. И теперь, слыша город и его суету, принцесса поддавалась панике.

«Кэти, не желаешь взглянуть на город? Он очень красивый. Отсюда даже море видно».

Девушка покачала головой и вжалась в сиденье. Сердце билось часто-часто, а на лбу выступила испарина.

– Столько людей, столько шума... Лима, мне кажется, я вот-вот лишусь чувств.

«Полно тебе! Лишишься чувств, когда увидишь своего жениха, и он наверняка это оценит: подхватит тебя на руки и унесет...»

– Лима, я серьезно.

«Кэти, успокойся, возьми веер, вот так... а теперь обмахивайся. Здесь просто душно, сейчас полегчает. Вот уже и замок виден».

Тяжелая кованая решётка закричала, медленно поднялась, и кареты въехали на широкий двор. Людскую процессию остановили хмурые стражники, перекрыв проход, но не запрещающая наблюдать за происходящим с той стороны ограждения.

Трубный звук оглушил, карета последний раз качнулась и остановилась. Глашатай зычным голосом прокричал приветственную речь, дверь кареты открыли и, наконец, всё стихло в ожидании.

Секунды шли, но Ивонет не могла себя заставить сделать шаг. Страх сковал её тело. А вдруг она не понравится королю Далирии? Или он будет настолько стар и страшен, что она упадёт в обморок? Или его сердце будет жестоким, и все её ожидания, надежды и мечты рассыплются прахом? Хотя она и провела большую часть жизни взаперти, где её лишили общения, её не лишили книг, из которых она многое узнала о мире. О великих королях и принцессах, о храбрых рыцарях и простом люде, о доблести и коварстве, о добре и зле, и, конечно, о мечтах, что вкладывали в книги авторы.

Книгу же своей судьбы листать было страшно.

Но не успела Ивонет набраться храбрости и с гордо поднятой головой выйти из кареты, как в проёме появилась мужская рука:

– Леди Ивонет Кэтрин Аллендорф, прошу, осчастливьте нас своим вниманием!

Мягкий, очень приятный мужской тембр обволакивал, и девушка затрепетала, впадая в смущение. Перед ней стоял сам король Далирии Минфрид Великолепный.

Девушка робко подала руку и аккуратно вышла из кареты. Дух захватило от одного только взгляда на короля. Мать не обманула: он был невероятно хорош собой. Породистое лицо в обрамлении слегка вьющихся каштановых волос. Глаза настолько синие, что, казалось, в них

можно утонуть. Мягкая, располагающая улыбка. Да, рост его не был выдающимся, зато фигура, выправка и уверенность в себе такая, что словно придавливала к земле.

– Леди Ивонет, безумно рад нашей встрече! Позвольте представиться: Минфрид, король Далирии и правитель Срединных земель, властитель Ледяных чертогов и глава Совета Пяти. Вы меня ещё не знаете, но я о вас уже слышан. Но слухи, как всегда, обманчивы – вы прекраснее, чем о вас говорят...

Мужчина галантно наклонился и, не отпуская её руки, оставил чувственный поцелуй на тыльной стороне ладони. И неважно, что ткань перчатки приглушила поцелуй: Ивонет его почувствовала необычайно остро. Тело словно пронзила стрела, и щёки вновь загорелись.

– ...Смущение вам к лицу. Вы не будете против, если я сам провожу вас?

Леди Сэльга, мать принцессы, хотела возразить, что это не этично, и сама хотела увести дочь, но один взгляд Минфрида заставил её подавиться словами.

– А вас это не затруднит?

– Как можно! Через пару дней наша свадьба, и мне хочется за это короткое время узнать о вас как можно больше. Я знаю, что вы утомлены долгой дорогой, но был бы необычайно счастлив хотя бы сопроводить вас до покоев, чтобы узнать, как прошёл ваш непростой путь.

– Да, конечно... – ещё сильнее разволновалась девушка, не понимая, как себя вести с этим человеком на глазах у придворных и зрителей за кованой решёткой.

Что будет правильным, а что нет? Она вспомнила, что пренебрегла этикетом и не поприветствовала короля как следует – глубоким реверансом. Но Минфрида, похоже, это не волновало. Он не спускал заинтересованного взгляда с её лица, ловя каждую эмоцию. Они уже было тронулись с места, как вдруг принцесса остановилась:

– Простите, можно я захвачу друга?

– Друга?

Шурша длинными юбками, Ивонет кинулась назад к карете и достала небольшую плетеную корзинку с сидящей внутри лаской.

– О, какой очаровательный зверёк! Вы позволите?

– Лима не любит, когда её трогают чужие...

Но Минфрид уже схватил ласку за загривок и вытащил из корзины.

– Чужие, – король мягко засмеялся. – Мы скоро станем одним целым, и, думаю, ваш зверек меня... Ай! Она меня укусила! – Минфрид резко дернул рукой и швырнул ласку на землю, но зверёк оправился и стремительно взобрался на плечо Ивонет, возмущённо пища.

Ивонет похолодела, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Прошу, не троньте её, она не хотела! Вы просто её напугали.

Глаза Минфрида недобро сузились:

– Надеюсь, в следующую нашу встречу ваш зверёк будет более приветлив, иначе... – мужчина поджал губы, резко развернулся на пятках и стремительно покинул площадь.

Глава 2

– Ивонет, порой мне кажется, что ты не моя дочь. Как ты могла так опозориться и оскорбить Минфрида?! Уму непостижимо! – королева Таврии схватилась за виски и начала их массировать. – Нет, я догадывалась, что ты можешь выкинуть какую-нибудь дурость, но чтобы вот так свести расположение короля на нет из-за грязной крысы...

– Это не крыса! И она мой друг.

– Глупости, грязные животные не могут быть друзьями принцессы, тем более будущей королевы. Нужно было не слушать твоего отца и избавиться от неё, как только ты притащила эту тварь в замок. Уму непостижимо... я даже не знаю, как загладить вину перед Минфридом. Будем надеяться, что король не злопамятен и простит тебе твою выходку, – женщина махнула полами длинного платья, которое не успела переодеть с дороги, и направилась к выходу из спальни. – Эту крысу больше не смей таскать за собой! И постарайся быть любезной: оцепенение и отсутствие манер показали тебя не с лучшей стороны. О, великий Альхард, за что мне такое наказание?! – женщина закатила глаза. – Поняла?

– Да, леди Сельга, – плечи Ивонет поникли, глаза наполнили слёзы.

– Ну полно кукситься, тебе не идёт. Приводи себя в порядок и до вечера постарайся отдохнуть. Не хочу, чтобы на празднике ты была бледной тенью. Минфрид должен видеть и понимать, что лучшей жены ему не найти.

Ивонет вздрогнула и подняла взгляд:

– Думаете, он может от меня отказаться?

– Кто знает, что у этих королей на уме! Пока на вас не наденут обручальные браслеты, возможно всё. Благо свадьба через пару дней, и я надеюсь, за оставшееся время ты не совершишь оплошностей. Твоя задача – быть милой, скромной, слегка глуповатой и с восхищением ловить каждое слово будущего супруга. Поверь мне, мужчинам это нравится.

Когда дверь за королевой закрылась, девушка устало опустилась в кресло.

– Ну вот скажи, Лима, зачем?

Ласка, наострившая ушки, показала мордочку из своей корзины:

«Он мне не понравился, очень больно схватил!»

– Думаю, ты несправедлива. Мужчины просто не умеют быть осторожными, а ты сразу кусаться...

«В следующий раз откушу ему нос!» – ласка клецнула мелкими зубками. – *И вообще, когда я голодная, я очень злая. Где мои мышки?»*

Ивонет улыбнулась:

– Сейчас дождёмся Тьянку. Она, наверное, распорядится по поводу моих вещей и принесёт тебе вкусняшек.

«Поскорей бы, а то лень охотиться. Я так устала, – ласка зевнула, потянулась и свернулась калачиком на дне корзинки. Обычно она её не жаловала, но тут, видно, решила, что это самое безопасное место. — Разбудишь меня, когда придёт время обеда. И ещё, Кэти, будь осторожна. Присмотришь к своему королю повнимательнее».

...Время шло, а Тьянки всё не было. Личная камеристка не спешила помочь своей госпоже переодеться и распорядиться, чтобы ванну наполнили горячей водой. Ивонет хотела сама избавиться от душного платья, но тщетно: завязки были на спине и не хотели поддаваться. Тогда Ивонет выглянула в коридор, где, помимо стражи Минфрида, стоял Тельман, её верный страж, помощник и друг с малых лет, к которому Ивонет питала особенно теплые чувства. Ведь он не раз выручал её из бед, беседовал, не боясь её проклятья, и был добр.

– Сир Тельман, вы бы не могли найти и поторопить Тьянку? А то я не справляюсь.

– Конечно Кэ... леди Ивонет, – мужчина пригладил седеющие усы, в которых затерялась улыбка, и отправился выполнять поручение.

Принцесса же от бессилия и усталости упала в объятия кресла и, не найдя себе лучшего занятия, достала из внутреннего кармана кольцо, поднесла к глазам. Некоторое время как завожженная ловила на нем солнечный блик, вглядываясь в черные прожилки, потом не выдержала и, медленно стянув перчатку, прикоснулась к холодному металлу.

По телу прошла дрожь, в глазах потемнело, перед внутренним взором появился туман, утягивающий разум девушки за собой. Ещё мгновение – и вот она уже не в замке, не в объятиях помпезного кресла, а на зеленом холме, залитом солнцем.

Обжигаяще ярком, таким, что захотелось чихнуть и зажмуриться, а после упасть на мягкий ковёр из сизых колокольчиков. Но она не могла. Все её видения позволяли видеть ровно то, что хочет показать вещь, вести туда, куда она тянет. Раньше Ивонет пыталась с этим бороться и отделить себя от чужой грёзы, но тщетно. Потом невыносимо болела голова, а тело болезненно выкручивало, словно её наказывали за своеволие. Урок был принят, и Ивонет с видениями больше не спорила. Вот и сейчас она пошла узкой притоптанной дорожке и взобралась на холм, на котором встретила двух человек. Одного она узнала сразу: предводитель, что вёл людей в новый мир, а второй – парень, её ровесник, лет двадцати, темноволосый, кареглазый... красивый.

Ивонет склонила голову набок, присматриваясь повнимательнее, и только когда он заговорил, узнала в нём того самого ребёнка, что грозился поколотить нерадивого братца за шутку с лягушкой.

– Янар, я давно хотел тебя спросить, как ты относишься к нашему новому дому?

– Это поистине чудо, отец! Я не знал, что реки могут быть полноводными и нести столько рыбы, а земля – возвращать плоды, которых я раньше не пробовал.

– Поистине чудо, – усмехнулся мужчина, но его темных глаз радость не тронула. Он был какой-то весь скованный и напряжённый. – А что думают твои братья и сестра?

– Они тоже в полном восторге. Вирра никогда столько не смеялась...

– Да, ей этот мир явно по душе. И я рад, что смог не только его отыскать, но и подарить вам. Жалею только, что ваша мать Альтея не смогла его увидеть, она была бы счастлива.

Янар поджал губы. Было видно, что ему больно вспоминать о матери. Но продолжать тему о ней мужчина не стал: он обернулся к сыну, схватил за предплечье:

– Скажи мне, Янар, а как ты относишься к крылатым? Они тебя не пугают, не вселяют тревогу?

– Нет,нисколько. Они были очень добры, когда приютили нас. И щедрьы. Выделили земли, помогли отстроить поселения. Если бы незначальные, нам пришлось бы намного труднее.

– Но их способности... Ты видел, что они вытворяют? По мановению мысли могут призвать ветер и разогнать облака или повернуть реку вспять! А как тебе огонь, разгорающийся по щелчку пальцев? Разве он тебя не пугает?

– Пугал бы, если бы крылатые желали нам зла. Но они не такие, их путь – созидание. Я общался с девушкой, и она рассказала, что их предназначение – быть хранителями этих земель. Они —душа Линнея и никогда не сделают что-то, что причинит вред и страдания.

– И ты им веришь?

– Верю.

Мужчина нахмурился, похлопал сына по плечу:

– Ты слишком молод и беспечен, Янар. Мы – гости в этом дивном месте и когда-нибудь надоедим добросердечным хозяевам. Смею надеяться, что к тому времени мы не будем слабой расой и сможем за себя постоять.

– Отец, я не разделяю твоей тревоги, но могу сказать одно: в любом случае ты всегда можешь на меня положиться...

Выныривать из видения всегда болезненно, какое бы оно ни было, но любая боль – мелочь в сравнении с желанием увидеть что-то необычное. И неважно, что эта грёза – всего лишь отпечаток чужих воспоминаний: другого у Ивонет никогда не было. Слишком большой страх был у родителей перед её даром, слишком велика цена, если бы об этом узнали окружающие.

Говорят, раньше землю населяли разные существа: эльфы, гномы, пикси, но сейчас их практически не осталось. Истребили вместе с магией, которую они в себе несли. Тех, кто выжил, сослали в далекие Срединные земли, откуда им строжайше запрещено выбираться, иначе – смерть.

Но существует третья сила: такие, как Ивонет, смешанная кровь. Это значит, что когда-то давным-давно её предок согрешил с представителем расы, что несла в себе магию. Обычно это были эльфы, так похожие на людей, но слишком надменные, чтобы навсегда связать себя с человеком и признать совместных отпрысков.

Кто и когда согрешил в роду Аллендорфов, никто не знал. Да и не предполагал, что такое возможно, пока у маленькой принцессы не начались припадки при прикосновении к предмету или человеку. Родители думали, что девочку прокляли, и пытались очистить её с помощью жрецов, а те видели только один выход: в молитве и покаянии. Позже, когда девочка стала рассказывать, что она видела и ощущала, все поняли, что это проснувшаяся древняя магия. Но учить принцессу с ней жить и к ней приспосабливаться никто не желал, боясь, что малышка случайно узнает их сокрытые тайны, поэтому её заперли в башне, разрешая покидать её лишь раз в неделю под присмотром сира Тельмана или отца.

Тревожный стук в дверь прервал невеселые мысли принцессы:

– Госпожа?

– А, Тьянка, это ты... Входи. – Принцесса быстро спрятала колечко в платок и сунула его между спинкой и сиденьем кресла. – Я очень устала. Помоги мне, – она указала на платье. – Эти узелки – сущее наказание!

– Конечно, моя госпожа, – не поднимая головы, затараторила служанка и поспешила выполнить приказание.

Но её руки так тряслись, а зубы стучали, что Ивонет обернулась:

– Тьянка, что-то случилось? Где ты так долго пропадала?

– Ничего не случилось, госпожа, простите мою нерасторопность. Просто заплутала, – обронила служанка, и её лицо стало ещё бледнее.

Ивонет нахмурилась.

– Тебя обидела матушка? Или кто-то из людей Минфрида?

– Нет, что вы, госпожа! Всё хорошо. Разрешите, я продолжу работу? Нужно поспешить, ведь вы должны отдохнуть и к вечеру быть прекрасны.

– Тьянка, ты же знаешь, что можешь рассказать мне любое горе. Я попытаюсь помочь.

– Я... я... – стала заикаться девушка, кидая затравленные взгляды по сторонам.

Возможно, хотела придумать отговорку, но совесть не позволила, и она виновато опустила голову.

Ивонет поняла, что беда, приключившаяся с девушкой, серьезная, и она должна... нет, просто обязана об этом знать. Но, не понимая как разговаривать запуганную девушку, напустила на себя серьезность и уперла руки в бока, копируя мать:

– Или ты рассказываешь, что случилось, или я... запрещаю мне помогать!..

Испуганный взгляд Тьянки, в котором появились слёзы, заставил Ивонет смутиться:

– ...Прости, я не должна лезть, если ты не желаешь, – принцесса повернулась спиной к служанке. – Делай, что должно, но знай: ты всегда можешь мне довериться.

– Вы слишком добры, леди Ивонет. Спасибо.

Когда душевное платье наконец стянули, а из волос вытянули последнюю шпильку, Ивонет вздохнула с облегчением. Принесли горячую воду и до краев наполнили ванну. Принцесса с наслаждением опустила в нее и долго нежилась, прогревая уставшие мышцы. Дорога была слишком долгой и утомительной. Казалось, что они вечно будут куда-то ехать и покачивания кареты никогда не закончится. Хотя Ивонет была не против. Она так мечтала вырваться из душевного замка, что с наслаждением и невероятным восторгом созерцала мир через узкое окошко. И при каждом привале стремилась вобрать как можно больше впечатлений.

Пока не видит мать, смогла украдкой окунуть босые ножки в прохладном ручейке. Попытаться поймать стрекочущего жука, чтобы поближе рассмотреть его черный панцирь с зеленоватым отливом. Нарвать букет дивных цветов, из которых потом наплела чудесные венки. Жаль только, что мать не оценила и гневно растоптала цветочное украшение изящными туфельками. Неважно. Мир всё равно казался чудом, и девушка это чудо с радостью принимала.

Тьянка успокоилась, к ней вернулась уверенность и улыбка, и они уже беззаботно болтали о всякой ерунде.

– Тьянка, как думаешь, я понравилась королю?

Служанка, водившая мочалкой по девичьей спине, вздрогнула:

– Безусловно, вы не можете не очаровывать. Король Минфрид просто без ума от вас.

– А что скажешь насчёт выходки Лимы?

– Неосмотрительно кусать вашего жениха, – улыбка Тьянки стала шире. – Но ей прости-тельно: она зверёк и не понимает, что можно делать, а что нет.

Ивонет слегка приподнялась, её плечи напряглись:

– А каким король Минфрид показался тебе? Что ты о нём думаешь?

– Я? – растерянно спросила девушка, и мочалка всё же выпала из её рук.

– Ну отвечай, чего притихла?

– Он красив, – осторожно начала служанка. – Высокороден, невероятно галантен...

– Нет, я хочу понять, что он за человек, каков он внутри.

– Внутри? Госпожа, я не понимаю, чего вы хотите от меня. Моя роль – помогать вам, а не сплетничать. Я понимаю вашу обеспокоенность и тревогу, но будьте уверены: вы в надёжных руках.

Ивонет очень хотелось в это поверить, но сомнения царапали, напоминая, как Минфрид отшвырнул от себя Лиму и как лицо его перекосило от гнева.

Тьянка сняла намокшие перчатки, вытерла насухо руки и, только надев новые перчатки, помогла Ивонет выйти из ванны. Насухо промокнула холстиной. Одеда сорочку и поигла улечься в постель. Пожелала добрых снов и ушла в соседнюю комнату разбирать вещи.

При том в движения служанки вернулась порывистость и сухость, а на лицо легла тревога, словно разговоры о короле Далирии её угнетали.

Разбираться в чувствах Тьянки уже не было сил и желания, поэтому, укутавшись в пушистое, пахнувшее вереском одеяло, она довольно быстро уснула. Ласка перетекла из корзины на подушку и свернулась рядом с её щечкой.

Ивонет думала, что сон не придёт – слишком сильны впечатления, слишком много мыслей... Но как только голова коснулась подушки, крепко уснула.

Снился жених – Минфрид Великолепный. Они встретились на балу, перекинулись любезностями, а потом закружились в танце так легко и непринуждённо, словно действительно созданы друг для друга. Ни страха, ни смущения.

Они смеялись, разговаривали и предавались беззаботному веселью. Покачивались в такт музыке и были счастливы. И казалось, этому воздушному чувству не будет конца, оно запомнится и останется с ней, когда она проснётся. Но девушку в очередной раз крутанули вокруг оси и поймали в объятия, к удивлению, уже не мягкие и утончённые руки короля, а чужие – грубые и напористые. Под королевским нарядом, не скрывающим мощь и силу обладателя. Сердце девушки застучало быстрее, волнение тронуло душу. Она несмело подняла взгляд и встретила не синеву глаз Минфрида, а пугающую черноту глаз незнакомца. Того самого, что увидела в воспоминаниях серебряного кольца. Янар, так вроде называл предводитель своего сына.

Только, в отличие от видения, мужчина в её сне был намного старше, суровее и, как показалось Ивонет, страшнее из-за взгляда – он был пустой, безразличный, а выражение лица отрешённое. Не человек – каменное божество, которому поклоняются варвары в далеких Дакийских землях.

Ивонет попыталась вырваться, сбежать, но руки незнакомца держали крепко. Он насильно закружил её в танце, ускоряясь с каждым шагом. Ткань её алого шелка летела, туфельки не успевали повторять заученные движения, причёска опала набок, дыхание сбилось. И когда паника накрыла Ивонет с головой и она уже хотела закричать, они замерли. Незнакомец, наконец, осмысленно на нее посмотрел и удивился, а там, где незнакомец её касался, горела кожа. Запахло дымом, а потом она увидела, как её кожа плавится, а платье пылает.

– Госпожа, госпожа, проснитесь!

– Что... где я? Тьянка, это ты?

– Да, госпожа. Похоже, вам приснился дурной сон.

Ивонет откинула одеяло, напугав и служанку, и ласку, и стала сдирать с себя сорочку, внимательно осматривать белую, без единого изъяна, кожу. Несмотря на то, что реалистичность сна была пугающей и она чувствовала на языке горечь от горячей плоти и удушливый дым в лёгких, она всё же смогла взять себя в руки и попросить воды. С жадностью осушила кубок и с облегчением откинулась на подушку.

– Вам приснилось что-то дурное?

Ивонет качнула головой.

– Спасибо, Тьянка, можешь идти. Я уже оправилась.

– Уверены?

– Да-да, всё хорошо. Просто дурной сон...

Тьянка нерешительно топталась на месте.

– ... Что-то ещё? – полюбопытствовала Ивонет, желая остаться одной.

– Госпожа, уже вечер, мне нужно готовить вас к празднеству. Я как раз шла вас будить, когда вы закричали и начали метаться в бреду. Если позволите, я принесу платье, – она неуклюже сделала книксен и виновато опустила голову.

– Вечер? – Ивонет посмотрела в окно, за которым розовыми всполохами разливался закат.

– Да, вы проспали весь день.

Ивонет нахмурилась, погладила Лиму по шёлковой шерстке и вновь вылезла из постели.

Она думала, что мысли о предстоящем торжестве скрасят плохой сон, и всё внимание достанется красивому платью и украшениям, но тревога душила не хуже эфемерного дыма и, словно затравленной мышью коготочками, шкрябала по оголенным нервам. Любое резкое движение или стук в дверь – и девушка подпрыгивала на месте.

– Ивонет, полно так переживать, – в комнату вплыла леди Сэльга.

Она ослепляла красотой, свежестью и безупречностью. Пшеничные волосы ее были уложены барашками и покрыты крупной сеткой с сапфирами, оттеняя белизну волос и придавая коже ещё большую бледность. Платье из синего бархата строгое, но очень элегантное, подчеркивающее точеную фигуру. В ушах и на шее россыпь бриллиантов. На вкус Ивонет – слишком вычурно и кричаще, на вкус матери – недостаточно блеска.

– Леди Сэльга, я не ожидала вашего визита.

– Ивонет, ты словно не рада меня видеть, – королева Таврии поцокала языком и осмотрела дочь. Алое платье с изысканной вышивкой по краю широких рукавов, подолу и поясу. В волосах, тоже убранных барашками, россыпь жемчужин. – Прелестно. Только не хватает одной детали.

– Какой? – насторожилась девушка, вновь оборачиваясь к зеркалу.

– Подарка от жениха.

– Минфрида?

– Ивонет, иногда ты меня поражаешь глупостью! Разумеется, от Минфрида, открой.

Королева Таврии протянула небольшой сундучок с витиеватой резьбой. Девушка приподняла крышку и не смогла побороть вздох восхищения:

– Это... неопишимо красиво!

На дне коробочки лежало кольцо с крупным камнем невероятных оттенков зеленого, отбрасывающий множество ярких бликов.

– Надень. Хочу посмотреть.

Девушка кивнула служанке, и та поспешила украсить шею своей госпожи. Как только застежка щелкнула, девушке показалось, что камень заиграл новыми красками, а внутри него за клубилась изумрудная дымка, становясь то плотной, то прозрачной.

– Видишь, какой он внимательный?! Подобрал украшение под цвет твоих глаз, теперь они сияют ещё ярче.

Ивонет зарделась и улыбнулась своему отражению, убрав прядку черных волос за ухо.

– Спасибо...

– Мне-то за что, глупая? Благодарю жениха. Я всего лишь выполнила его просьбу. – Королева Таврии прогнала Тянку прочь и развернула дочь к себе лицом. – Сегодня, Ивонет, всё зависит от тебя. Не посрами наш род и будь достойна звания будущей королевы Далирии, будь мила и приветлива и побольше улыбайся, а то словно ты и не рада. – Леди Сэльга задыхнулась от нахлынувших чувств и быстро-быстро замахала веером: – Ну всё, кажется, нам уже пора.

Она хотела взять дочь под руку, но тут же одёрнула себя и пошла первой.

Ивонет никогда не была на пирах, она знала о них лишь по рассказам служанки и по книжкам. Там было много еды, разные представления и, конечно же, танцы. Благородные лорды приглашали дам и признавались в любви. Девушка зарделась, вспомнив одну неприличную сцену из книги, где возлюбленный украл поцелуй понравившейся ему дамы в тенистых садах. Это было так волнующе, что она долго потом грезила о принце, который робко поцелует её в щеку, а если осмелится – то и в губы.

Ивонет поспешила тоже обмахнуться веером, чувствуя, что к щекам приливает жар. И, наконец, подошла к залу, где торжество уже началось. Глашатай объявил об их появлении и широко распахнул дверь. Музыка замерла, и гости разошлись в стороны, пропуская вперед королеву Таврии и её дочь.

Стук каблучков отражался от величественных стен, украшенных небывало красивой мозаикой, в узорах которой угадывались портреты прошлых королей. Центральный проем на стене занимала фигура Альхарда. Он рубил наотмашь какое-то крылатое чудовище прямо за тронем Минфрида, который величественно восседал в центре длинного стола и до появления принцессы вёл скучные беседы с приближенными и друзьями.

Когда же появилась девушка, в его глазах блеснул неподдельный интерес. Он выпрямился и подался вперед.

Ивонет присела в глубоком реверансе и не смела подняться, пока король не объявил:

– Прошу приветствовать будущую королеву Далирии леди Ивонет Кэтрин Аллендорф!

Зал взорвался овациями. Музыка вновь заиграла, а сверху, с каменных балюстрад, красивые девушки в розовых платьях стали осыпать гостей лепестками роз. У Ивонет от восторга закружилась голова: если бы не мать, легонько подтолкнувшая её вперед, она бы так и стояла, открыв рот и запрокинув голову.

– Прошу, присаживайтесь. Теперь это место принадлежит вам, – король указал на свободный стул по правую руку от себя.

– О, какая прелестная! Минфрид, ты не говорил, что твоя суженая настолько хороша!

Девушка зарделась, принимая комплимент от незнакомого мужчины, что сидел слева от короля.

– А зачем, Адельмарт? Чтобы вы с Гертом меня опередили? Узнав, что в Таврии живёт такая прелестница, вы бы сами возжелали на ней жениться, – ревниво бросил король, пригубив из кубка с янтарным вином.

– А мы и сейчас можем её у тебя украсть! Обручальных браслетов нет, она ещё свободна и вправе выбрать другого мужа. Тем более она может нас сравнить и сказать, кто ей больше по душе.

Ивонет покраснела. Слушать подобное ей было неловко: за кого её принимают друзья Минфрида?

– Полно вам шутить и смущать мою невесту, – король обернулся к девушке и хотел сжать её ладонь, но она произвольно отшатнулась. – Прости моих друзей-оболтусов, у них язык без костей, несут всякую ересь. Но чтобы ты понимала, кого ругать, вот это, – он указал на кудрявого блондина, – герцог Авалонский.

– Можешь называть меня просто Гертом, – подался вперед блондин.

– А это...

– Называй меня Адельмартом, – фамильярно подмигнул второй.

Минфрид нахмурился и одарил друзей таким взглядом, что молодые мужчины подавились вином, а второй – русский, довольно плотно сбитый мужчина – выставил перед собой ладони:

– Прошу прощения, леди Ивонет, обращаться ко мне нужно так: герцог Элспеч-де-Кароди, владелец восточных наделов.

– Ещё слово – и будете сидеть вон там, – палец короля с огромным перстнем указал на край стола, где сидел мужчина в красном кафтане, с кустистой бородой и травил байки. Судя по каменным лицам его соседей, байки не очень смешные. – Всех фигляров соберу в одном месте.

– Нет-нет-нет, только не барон Хряк! Мы всё поняли, Ваше Величество, осознали и пойдём танцевать. Столько прелестных дам без должного внимания! – блондин Герт потянул за собой друга.

– Ещё раз просим нас простить, леди Ивонет.

Минфрид покачал головой и повернулся к девушке:

– Они неисправимы! Я тоже прошу прощения за моих друзей и могу заверить, что подобное больше не повторится.

– Ничего, их слова несколько меня не задели.

– Ну раз так, – хмыкнул король, – тогда не откажите мне в танце, леди Ивонет. Хотя... нет, наверное, вы голодны и желаете отведать...

– Что вы, я успела перекусить, – соврала принцесса, хотя ароматы изысков сводили с ума. – И не сильно проголодалась, так что с большим удовольствием с вами потанцую.

В глазах короля разгорелась искра, суровое лицо смягчилось:

– Вы – суший цветок аривиса: такая же нежная и очаровательная. Прошу!

Король подал девушке руку и повел в круг танцующих. Крутанул на месте и тут же поймал в объятия. Ивонет зарделась: ещё ни разу в жизни она не была так близка с мужчиной. Волнение прошло от макушки до пальчиков ног, внутри обдало жаром.

Минфрид если и заметил, как девушка затрепетала в его руках, то вида не подал. Он умело кружил её по залу, заполняя восторгом. То отдалялся, то приближался, следуя движениям танца, и, кажется, сумел завладеть вниманием прилетницы.

Её зеленоватые глаза мечтательно блестели, а с губ не сходила улыбка. И так раз за разом, пока одна музыка сменяла другую, они не могли друг от друга оторваться, и девушка первый раз в жизни почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Когда музыка сменилась в четвертый раз, Минфрид сжалился над принцессой, что пару раз пропустила ритм и наступила ему на ногу, и повел её к столу. Там предложил отведать фазана, которого лично подстрелил на охоте.

Ивонет не стала спорить, она с благодарностью принимала всё, что ей подносили, пребывая в эйфории. Потом начались представления шутов. В зал вбежали карлики, притащив с собой свинью, и начали свои глумливые шутки. Свинья в какой-то момент сорвалась и понеслась по залу, как обезумевшая, громко вереща, а перепуганные карлики стали её ловить. Гости приняли это за разыгранный спектакль и начали громко смеяться. Когда свинья пробежала под юбкой одной благородной дамы, половина гостей съехала от смеха под стол, вторая подавилась едой и вином. Даже Ивонет рассмеялась.

Специально это устроили или нет, но это было чрезвычайно весело. Единственный, кто не оценил представление, это ее мать. Леди Сэльга словно кол проглотила и весь вечер не спускала бдительного взгляда с дочери и короля.

– Всё-всё, больше не могу! Стража! Уберите их отсюда.

– Кого? – не поняли охранники. – Карликов?

– И их тоже. Свинью не обижайте, она заслужила ещё один день жизни. Давно я так не смеялся, – Минфрид вытер выступившие от смеха слёзы и подозвал сухопарого человека, всё время празднества, стоявшего в темной нише.

Тот не присоединился к общему веселью, и Ивонет сразу сообразила, что это жрец. На нём был серый балахон, а в лоб впаян кристалл желтого цвета.

Она читала, что такие бывают не у всех, только у Видящих – тех, что могли видеть прошлое и будущее. Дар сродни тому, чем владела она, но с одним отличием: ее магия – в крови, а поклоняющимся Альхарду магия давалась из таких вот камней – анимусов. Откуда они их брали, в книге не описывалось, но она знала, что только избранным они подчиняются. В противном случае – смерть.

Вот и сейчас Ивонет смотрела на лысого человека заворуженно, даже с лёгкой обидой: почему ему позволено использовать магию, а ей нет? Несправедливо! Но – такова жизнь, и девушке ничего не оставалось, как смириться.

– У вас всё готово?

– Да, господин, – поклонился лысый, пряча руки в широченных рукавах.

– Тогда выводите.

– Слушаюсь, повелитель, – человек стремительно пересек зал и скрылся за дверью.

Минфрид поднялся, привлекая к себе внимание. Музыка стихла.

– Итак, уважаемые гости, праздник в честь моей невесты подходит к концу...

По залу прошёл вдох разочарования. Людям было мало, они желали ещё, но король поднял палец, заставляя их умолкнуть, выдержал паузу и заговорил вновь:

– ...Однако самое вкусное я оставил напоследок. Все вы знаете о невеселых новостях с востока: один из наших бывших союзников, Олдрик, король Варака и муж моей горячо любимой сестры пошёл против устоев, решив покачнуть само мироздание и внести в мир смуту.

Но, что самое ужасающее, он призвал в наш мир альха – исчадие бездны, подчиняющее себе одну из четырех стихий. И это разрушило остров Ведающих.

Людей в зале подобное заявление взволновало, и они начали громко перешёптываться. Король открыто подтвердил то, что прежде было слухами и домыслами. Зал наводнила ошутимая тревога.

– Так это правда...

– Альхи вернулись?

– Они хотят уничтожить людской род и возродить Изначальных?

– Тише, друзья, тише! – вновь подал голос король. – Не стоит так волноваться. Сейчас я покажу вам то, что поменяет ваше мнение об альхах. И докажет, что не зря я возглавляю Совет Пяти и мне поручено оберегать мир на материке.

В этот момент центральная дверь резко отворилась и зал заполнили троготы – молчаливые, хмурые воины в кожаных доспехах, скрывающие лица до самых глаз. На шее каждого висело по анимусу – камню, дающему возможность творить чары для защиты королевства. С собой они притащили повозку, на которой была водружена клетка, накрытая грязной холстиной.

– Итак, мои подданные, вы готовы узреть силу моего могущества? Я, конечно, не альх, но способен стать ему равным, – король обернулся к невесте: – Вам интересно?

Она робко кивнула, сминая под столом ткань платья. Что бы ни хотел показать король, это явно ей не понравится. Совсем не к месту в сознании всплыл сон о том, как её пожирал огонь.

И в этот момент с каким-то диким восторгом Минфрид перепрыгнул через стол, переворачивая тарелки с едой и разливая вино, подошёл к повозке и резко сдернул ткань:

– Прошу любить и жаловать, мой новый трофей! Альх! Стихийник огня!

Глава 3

Тяжелая ткань соскользнула с клетки, оголив металл, покрытый странной мерцающей краской и показав пустое нутро. Хотя пустой клетка казалась лишь на первый взгляд: на дне неподвижно лежала куча грязного тряпья, волос и непонятно чего ещё. Придворным пришлось вытягивать шеи и смотреть очень внимательно, чтобы узнать в этом человека.

– Милостивый Альхард, что это?

– Это отродье нашего великого божества, один из его проклятых выроdkов – альх огня!

Змеиный шепоток наводнил зал:

– Невозможно...

– Чушь!

– Какой из него альх? Это же полуживое чучело!

Придворные недоумевали. Они ожидали увидеть могущественное божество, которое одной силой мысли начнет жечь всё и вся на своем пути, но никак не ссохшееся, немощное тело, не подающее признаков жизни.

– Что-то этот трофей и на трофей-то не похож. Вы уверены, что поймали альха, а не бродягу? – хохотнул барон, облизывая жир с пальцев. – И вообще, почему он так воняет? Может, уже разлагается?

В зале послышались смешки, и страх начал сходить на нет. Действительно, неужели их король не может позволить себе розыгрыш? Дамы начали активно обмахиваться платками, морща носики от неприятного запаха, а мужчины – возвращать на лица хмельное веселье.

Только у Ивонет продолжала расти тревога. Девушка переводила беспомощный взгляд с Минфрида на клетку и обратно, ещё сильнее сминая под столом ткань платья. Беззаботность и веселье разом улетучились.

Минфрид ухмыльнулся и подозвал к себе одного из троготов, держащего в руках металлический прут, на конце которого было клеймо в виде руны. Сначала девушка, да и многие в зале, не поняли, зачем оно, но, когда по мановению силы трогота палка начала излучать зеленоватое мерцание и ею ткнули человека в оголенный бок, всё стало ясно.

Рёв боли и отчаяния покачнул древние своды. Альх приподнялся и кинулся в противоположную сторону от магического сияния руны, что причиняла ему нестерпимые страдания. Оскалился, хотел вжаться спиной в решётку, но и она принесла ему новую порцию боли. Он изогнулся, застонал и упал на четвереньки, тяжело дыша.

В этот момент придворные, да и Ивонет, увидели, в каком плачевном состоянии находится заключенный. Лица практически не было видно, волосы и борода настолько густые и длинные, что устилали дно клетки. Тело оголено, лишь обрывки замусоленных штанов и грязь защищали бедолагу от полной наготы. Кожа от шеи до пят покрыта шрамами от ожогов, но не простых, а магических, создавших на теле несчастного руническую вязь и, как предполагала девушка, запечатавших дар стихийника. Если, конечно, это был стихийник, а не бедолага, которому просто не повезло.

Наконец, выровняв дыхание, заключенный поднял голову и окинул присутствующих невидящим взглядом. Воспалённые, покрытые кровавыми корками и гноем глаза были закрыты. От них по лицу расходились синюшные прожилки. Ивонет не удивилась бы, узнав, что человек слеп или его давно лишили глаз. Она вскочила, чтобы защитить бедолагу и обвинить собравшихся в жестокости, но ее мать, королева Сэльга, с силой надавила на плечи дочери, заставляя сесть обратно, и наклонилась к её уху:

– Не смей делать глупости.

– Но они... он... – зашептала девушка, сжимая кулаки под столом и с трудом сдерживая подступающие слёзы.

– А ты думала, быть королевой легко? Ты ещё казней не видела. Зря отец держал тебя подальше от подобных представлений. У тебя слишком мягкое сердце.

«*Зато у собравшихся оно чёрствое!*» – в сердцах про себя крикнула девушка и застыла. Хотела отвернуться, но мать вновь не позволила.

– Не выказывай неуважение королю, это представление, в первую очередь, для тебя, поэтому наслаждайся с достоинством и не забудь сказать спасибо и польстить будущему мужу, восхитившись его могуществом. Поймать альха дорогого стоит.

Наслаждаясь триумфом, Минфрид вновь приказал троготу клеймить заключенного. Человек в клетке словно почувал угрозу и хотел отскочить в сторону, но лишь с силой ударился о прутья и упал на четвереньки. Клеймо с магическим огнем оплавало кожу на груди, и новый крик ярости и боли огласил зал, заглушая смешки и улюлюканье.

– Ну, теперь видите? Магия трогота на него действует, да и клетка, покрытая флюсцей, причиняет боль и запечатывает стихийную магию. Потому что это *настоящий альх!*

– Но как понять, что губительно для альха? Что это вообще за зеленое пламя? – толстый барон всё не мог угомониться и стукнул по столу увесистым кулаком. Минфрид улыбнулся, и улыбка вышла настолько ядовитой, что Ивонет съежилась. Словно сквозь образ добродетеля проступило исчадие бездны. Красивое лицо стало восковой маской безумия. Но, похоже, кроме Ивонет, этого никто не заметил.

– О, это очень легко. Прошу, барон Жеровье, выйдите в центр зала.

Барон ухмыльнулся в усы и не заставил себя долго ждать.

– Для несведущих поясню, что зеленое пламя – это дыхание Альхарда. Оно причиняет боль любому, кто владеет чарами, и не важно, стихийными или нет. Простого человека оно не тронет. Протяните свою руку, барон.

Мужчина замешкался. Сомнение и страх мелькнули лишь на мгновение, но руку он протянул. Минфрид махнул троготу, и тот стремительно прижал наконечник прута с руной к мясистой ладони.

Особо впечатлительные дамы охнули в унисон, но такого же эффекта, как на альха, руна не произвела. Ни шипения плавящейся плоти, ни крика ужаса. Барон как ни в чем не бывало смахнул с ладони пламя, и оно погасло.

Но пока придворные не успели прийти в себя, Минфрид обратился к троготу:

– А теперь, воин, покажи ему всю мощь нашего гостеприимства, – он кинул взгляд на клетку. – Пусть крики этого отродья заполнят мой дворец, и пусть услышат их в небесных чертогах нашего покровителя.

Темные глаза трогота блеснули злым огнем. Жажда власти над беспомощным отравляла его, и он с небывалой силой впечатал орудие в тело невольника.

Новый рёв боли оглушил. Подданные отпрянули, испугавшись, что с таким рёвом альх каким-то образом сможет выбраться из клетки и потребует расплаты. Но секунды шли, а, кроме агонии истерзанного тела и души, ничего наблюдать не приходилось. Люди осмелели, в их глазах вспыхнул азарт, некоторые стали делать ставки, на какой секунде силы покинут отродье и он сдастся. Кто-то потирал руки: видимо, в них просыпалась кровожадность и они сами желали творить расправу над немощным.

Пребывая в неопишемом ужасе, Ивонет вновь вскочила, желая крикнуть, чтобы Минфрид прекратил издевательства. Но мать вновь надавила ей на плечи, болезненно сжав пальцы:

– Скажешь хоть одно слово – и присоединишься к альху, поняла? Я не позволю погубить наш род одной безумной выходкой. Твоя жалость, Ивонет, глупа и неуместна. Ты будущая правительница, так будь достойна своего нового статуса.

Ивонет шла в свои покои, как кукла, ощущая внутри только холод и пустоту. Шла с прямой спиной, приветливо улыбаясь каждому, кто желал ей приятного отдыха. Но едва дверь за её спиной захлопнулась и она оказалась в своих покоях, как подкошенная рухнула на пол.

К ней тут же подбежали испуганная Тьянка и Лима.

– О великий покровитель, госпожа, что с вами? – Тьянка завертелась ужом. – Вам плохо? Позвать лекаря?

– Уходи...

– Но, госпожа...

– Я сказала, уйди! – крикнула Ивонет и стянула со стола таз для умывания, расплескивая воду.

Её стало рвать. Болезненно выкручивало желудок, а вместе с ним и всё тело. Словно вытрясая не только изысканные угощения, но и душу.

– Госпожу отравили! – вскрикнула Тьянка и ринулась к выходу, но Ивонет успела поймать её за подол юбки:

– Если кому-нибудь расскажешь, завтра у меня будет новая служанка.

– Но, госпожа...

– Уходи и до завтра не возвращайся, поняла?

Тьянка заплакала, но, видя во взгляде госпожи непримиримую твёрдость, кинулась прочь.

«*Кэти, расскажи, что случилось?*» – ласка обеспокоенно замельтешила возле её лица.

Ответить девушка не смогла – её опять стошнило. Рвало долго, словно наказывая за то, что она струсилась, не смогла высказаться. За то, что была слабой и жалкой, за то, что предала саму себя, позволив продолжать пытки на забаву придворных. Ей казалось, что она до сих пор слышит отчаянные крики, переходящие в стоны, а потом отрывистые, словно предсмертные, хрипы и чувствует запах жженой плоти и крови.

Ивонет с трудом доползла до кровати, но сил забраться на неё уже не было. Девушка скорчилась на полу и горько заплакала.

Утром пошёл дождь, превращая мир за слюдяными окошками в серость. Безликий, расплывчатый, пресный – точно так же было и на душе. И не понятно, то ли это утро нового дня, то ли уже вечер. Да и какая разница? Ивонет так впечатлило вчерашнее представление, что она до сих пор не могла прийти в себя. Вина непомерно душила, и, хотя Лима без умолку успокаивала, легче не становилось.

В комнату робко постучали. Ивонет пришлось подняться. Все мышцы ощущались, как деревянные, спина болела, но она выпрямилась и тихонько, осипшим голосом пригласила войти. На пороге появилась Тьянка с подносом в руках, на нем дымилась ароматная каша и свежие булочки. Увидев, в каком виде её госпожа, служанка не сдержала испуганного возгласа:

– Принцесса, как же так?!

Она поставила поднос на стол и первым делом убрала таз, потом распахнула окна и тут же принялась освобождать Ивонет от тесного платья.

– Простите, госпожа, я не должна была вчера вас покидать.

– Всё хорошо, Тьянка, не стоит беспокоиться.

– Но как же... вы очень бледны и ослаблены. Давайте я всё же позову лекаря, пусть он вас осмотрит. Возможно, вы съели что-то не то. Это не страшно: вам дадут травяной настой, и вы поправитесь.

– Нет, я просто хочу принять ванну и позавтракать. И мне сразу станет легче. – Ивонет дернулась к столу, но нерешительно потопталась на месте и обернулась к служанке, собиравшей вещи для прачек: – Ты знаешь, что произошло вчера на празднике? – Тьянка напряглась и непонимающе воззрилась на госпожу. – Про альфа, – уточнила принцесса.

– Ах, про альха! – с облегчением выдохнула Тьянка и распрямилась с корзиной в руках. – Конечно, все слуги об этом шепчутся. Говорят, король Минфрид пленил настоящее исчадие бездны.

– И устроил ему показательную порку.

– Ну и поделом. Всем известно, какие альхи страшные и какими чарами обладают. Могут силой мысли наслать порчу на всё селение, извести сотни людей. Говорят, раньше, ещё до того, как божественный Альхард уничтожил всех альхов, люди жили в постоянном страхе и отчаянии. Альхи отравляли и осушали воду. Напускали опасные ветры, что крушили всё на своем пути. Сжигали целые города. Вы, наверное, не знаете, но поговаривают, что недавно один такой альх уничтожил целый остров Ведающих. Камня на камне не оставил и убил всех жрецов. Там было столько крови, что море вокруг острова покраснело.

– И ты в это веришь?

– Как же не верить, если люди говорят?

– Но откуда тот альх взялся, если их всех уничтожили?

– Да кто эту нечисть поймёт! Говорят, их душа настолько черна, что даже бездне противна, вот и изрыгнула обратно на землю. А может, кто-то запретный ритуал применил – колдунов на свете хватает. Но ничего, скоро скверну изведут под корень, вот тогда заживём.

Ивонет нахмурилась:

– И тебе их не жалко?

– Кого? – непонимающе моргнула служанка. Но, видя, что её слова печалят хозяйку, подошла ближе, заглядывая в глаза: – Леди Ивонет, не нужно их жалеть. Все твари хаоса изворотливые и хитрые, они вселяют жалость, когда немощны, а как наберутся сил, так и убьют вас. Нельзя этим тварям доверять, служители света на каждой проповеди предупреждают об их коварстве.

Девушка невесело усмехнулась:

– Меня ты тоже считаешь тварью?

Тьянка выронила корзину и прижала руки к груди:

– Что вы, госпожа, как можно?! Я знаю, как вам непросто жить с этим даром... – Она понизила голос до театрального шёпота и украдкой огляделась по сторонам: – Но я знаю, что вы не такая, как они. Милостивый Альхард снизошёл и обласкал вас своей милостью, даровал удивительные возможности, чтобы вы использовали их на благо королевства.

Ивонет горько усмехнулась. Да, Тьянка – одна из немногих, кто посвящён в её тайну, но почему-то упорно верящая, что это всё не от родства с альвами, а ниспосланная свыше благодать. Наверное, поэтому она долгие годы остается незаменимой и самой преданной помощницей.

– Ой! Простите меня, госпожа, вы, верно, голодны.

Она засуетилась, подавая приборы. Потом неуклюже опустилась на колени и стала быстро собирать выпавшее из корзины белье, а после, пообещав вернуться как можно скорее, выпорхнула прочь.

Несмотря на голод и аппетитные ароматы, завтрак показался безвкусным, а все мысли были заняты только альхами. Неужели и правда они показали себя, вышли из тени? Но зачем? *«Чтобы творить зло! Ведь так учат писания», – ответил внутренний голос.*

Но почему душа противится такой правде? Может, потому что сама такая же? Ведь если бы не королевская кровь и защита, её тоже могли бы принять за тварь хаоса и пленить. А так – только домыслы, догадки и шепотки придворных вслед.

Тьянку пришлось ждать долго. Ивонет успела побродить по комнатам, обсудить с Лимой свои тревоги и опасения. Но когда терпение было уже на грани, Тьянка всё же появилась. Вновь с виноватым и затравленным взглядом. А за ней, как за мамой-уткой, шли мальчишки и несли вёдра с горячей водой.

Суэта и шум наводнили покои, но девушку они не обманули: Тьянка среди этого хаоса была сама не своя. Отрешенная и напуганная, она вздрагивала при каждом шорохе.

– Тьянка, что-то случилось?

– Простите, госпожа, я... – её глаза беспокойно забегали.

Придумать оправдание у нее не получилось. Тогда Ивонет терпеливо дождалась, когда дверь за слугами закроется, и подошла к девушке вплотную.

– Что происходит? Уже второй день на тебе лица нет, ты надолго пропадаешь, а как появляешься – тебя не узнать. Это как-то связано с Минфридом? Ты что-то узнала и боишься мне рассказать? Прошу, не стоит, я всегда тебе помогу и смогу защитить.

– Нет, что вы, госпожа, – завертела головой девушка, – вам кажется. Просто замок огромный и я ещё путаюсь в его коридорах.

Ивонет устало выдохнула, спустила Лиму с рук.

– Прости, Тьянка, но я должна знать, – и без предупреждения схватила девушку за ладонь, на которую та не успела надеть перчатку.

Глава 4

Проваливаться в воспоминания человека – болезненно. Хотя бы потому, что он может сопротивляться, пытаться запутать, скрыть неудобное. И это сродни терниям, через которые пробивается твое сознание.

Обеих девушек болезненно скрутило, и они рухнули на пол. «Прошу, отпустите!» – мольба, страх, рыдания. Но Ивонет продолжала напирать, настойчиво вторгаясь в чужую память, пока не растворилась в мучительных воспоминаниях...

Прикрытые окна. Полумрак. Бледный свет от свечей в кованых подсвечниках – и такая же бледная девушка, что стоит напротив массивного стола в окружении множества полок с бесконечными книгами и свитками. Библиотека короля, в которую никому нет входа, особенно чужакам и слугам. Ведь это его вотчина, его владения. И она это остро понимает. Но не понимает, зачем она здесь, для какой цели? Правила и этикет не нарушала, да и когда бы успела, если они только прибыли?

– Ваше Величество, вы желали меня видеть?

Глубокий поклон и трепет в голосе, который невозможно скрыть. И сердце, заходящееся галопом. Тягостное ожидание.

– Напомни, как тебя зовут? – Король пресытился видом трепетной лани и перестал выбивать дробь пальцами на темной лакированной столешнице. Скрипнуло кресло, и он подался вперед.

– Тьянка, Ваше Величество, – обронила девушка и сжалась. Ведь обманчивые нотки лобезности только глухой не услышал бы.

Король хмыкнул.

– Давно ты в услужении у принцессы Аллендорф?

– Десяток лет, не меньше, Ваше Величество.

Король поднялся и медленно, лениво, словно что-то обдумывая, подошёл к девушке. Грубо схватил за подбородок, заставляя её смотреть в свои синие глаза. Пустые, холодные.

– Значит, за это время ты видела и слышала многое.

Девушка заскулила, её глаза стали наполняться слезами.

– Простите, Ваше Величество, но я... не понимаю, о чём вы?

Ленивая улыбка исказила красивые черты, и пальцы короля скользнули ниже, по шее девушки, предплечьям и груди, вызвав приступ удушливого страха и паники.

– Хочу, чтобы ты рассказала, какие тайны хранит моя будущая жена. Наверняка тебе есть о чём поведать. Ведь не зря Аллендорфы так долго прятали свою единственную дочь от всего мира. Их даже не смущал её возраст и то, что она может остаться старой девой. Если бы не нужда в союзниках, бьюсь об заклад, её бы так и оставили доживать век в той башне.

Ужас от понимания, чего от неё хотят, словно ледяные оковы, стиснул девичью душу, и она отшатнулась.

– Расскажешь мне что-то стоящее, и я одарю тебя своей милостью. Золото, цветные камни, новый статус. Всё, чего ни пожелает душа... в пределах разумного. И – кара, если станешь упрямиться.

Он грубо сжал её грудь и своевольно полез под подол длинной юбки. На бледных щеках девушки проступили красные пятна.

– Прошу, Ваше Величество, не надо, мне правда нечего рассказать. Да, я служу у Аллендорфов очень давно, но никаких секретов не знаю. Клянусь всеми святыми! Да и некогда мне собирать сплетни – работы много... Прошу, отпустите! – заскулила она, и первые слезы оросили миловидное лицо.

Король скривился, глаза его превратились в узкие щели:

– Я знал, что легко не будет. – Он щёлкнул пальцами и коротко бросил: – Фас!

Тут же из дальнего, тёмного угла, где стояли кресла, появились двое мужчин и стали медленно приближаться, как шакалы, учуявшие добычу. Они обступили девушку с двух сторон, отрезая пути к отступлению.

Тьянка их не знала, а вот Ивонет уже успела познакомиться на празднике. Два близких друга короля. Кудрявый блондин – герцог Авалонский. Русоволосый, не менее наглый – герцог Элспеч де Кароди.

– Ну что, красавица, поиграем? – стягивая на ходу китель, злорадно спросил блондин, стремительно схватил её за шею и поцеловал, просунув ей в рот свой скользкий язык.

Другой занялся завязками на лифе серого платья.

– Какая свежая... очень любопытно узнать, насколько девы из Тавриш, края вечной весны и цветения, нежны и ласковы.

– Нет! Отпустите! Прошу! Я правда ничего не знаю!

– Ну, не знаешь и не знаешь, зачем же так кричать? – брюнет добрался до оголённой кожи. – Главное, чтобы нам было хорошо, ведь так?

Тьянка заскулила, слезы замутили ее взгляд, ноги подкосились. Да, она была тронута мужчиной, но только одним и любимым и никогда не позволяла себе лишнего. И сейчас ей было невыносимо страшно и дико от того, что с ней собирались делать. Она взвыла и тут же получила болезненный хлопок по щеке.

– Ещё звук – и после нас ты пойдёшь по рукам стражи, а там не будут так же нежны и внимательны...

Ивонет словно выпутывалась из болота. С рвущимся из груди сердцем она яро цеплялась за свет и пыталась вылезти из мрака чужих воспоминаний, физически ощущая, как чужие руки с жадностью шарят по телу, оставляя синяки. Как слюнявые губы касаются кожи везде, где вздумается, как тянут за волосы... и как пронзительно-безразличный взгляд короля за всем этим наблюдает.

Пальцы Ивонет врываются в ткань жуткой грёзы, ищут путь к свободе. Подальше из оков чужого рассудка, где друзья Минфрида издеваются и насилуют, наказывая за то, что девушка осталась преданной дому Аллендорфов.

Миллиметр за миллиметром, пока сознание Тьянки не остаётся позади, а свое собственное не оглушает, заставляя Ивонет кричать и биться в агонии.

– Госпожа! Госпожа, простите, что вам пришлось это увидеть! – Тьянка тоже очнулась и теперь редела в три ручья. – Я не хотела вас огорчать, простите.

Уткнулась в свои колени и забыла, словно оплакивая смерть близкого человека.

Ивонет с трудом поднялась, покачнулась и на негнущихся ногах отошла к окну. Верить увиденному отчаянно не хотелось, но видения никогда не обманывают, не искажают правду, не приукрашивают.

– Сколько раз это повторялось? – сухим надтреснутым голосом спросила принцесса, и её передернуло.

– Три, госпожа. Король призывал меня вчера после празднества и сегодня. Но, клянусь, я ничего им не рассказала!

Вновь отчаянный рёв и неисчерпаемое горе.

– Глупая...

Ивонет подошла к девушке, присела рядом и обняла. Она не могла подобрать слов утешения, да и какие слова могут утешить и унять боль от насилия? Но она могла поделиться благодарностью и теплом. Это всё, на что сейчас хватало её сил и воли. Ведь пообещать, что такое больше не повторится, она тоже не могла. Не тогда, когда в безумстве замешан сам король.

– Ивонет, что здесь происходит?

В комнату вошла королева Таврии, её изящная бровь вопросительно изогнулась. Девушки отпрянули друг от друга, как от огня. Ивонет стремительно поднялась, смахивая со щек влажные дорожки, потянула за собой зареванную Тянку и под внимательным взглядом матери проводила её к выходу. Потом плотно прикрыла дверь, набрала в лёгкие побольше воздуха и обернулась:

– Я не желаю выходить за Минфрида!

– Ивонет, ну что за глупости? – взмахнула руками королева. Вроде непринуждённо, но во взгляде светлых глаз острота такая, что можно пораниться. Она быстро подметила и болезненный вид дочери, и залегшие под глазами тени, и неопрятный вид, и нахмурилась: – Почему ты ещё в нижней сорочке и до сих пор не приняла ванну? Тебе, между прочим, король прислал приглашение на полуденную прогулку. – И женщина достала из кармана белый конверт с королевским оттиском на красном воске.

– Ты меня не слышишь? Я не желаю не только с ним гулять, но и становиться его женой.

– Ивонет, ты сводишь меня с ума! – королева картинно закатила глаза. – Если ты о вчерашнем, то полно, ничего предосудительного король не сделал. Потешил толпу, не больше. Он же не отрубил альху голову и не насадил её на пику. Ты начинаешь меня утомлять, – леди Сэльга нервно передёрнула плечами и, открыв конверт, вдохновенно начала читать содержимое: – «Дорогая принцесса Ивонет, моё сердце сражено вашей красотой и добродетелью. Знаю, что свадебные приготовления в самом разгаре и, возможно, вы очень заняты, но прошу... нет, умоляю выделить мне немного времени, дабы я мог вновь насладиться вашим очарованием, красотой и общением».

Ивонет скривилась, ощущая фальшь в каждой строчке.

– Он недостойн ни моего, ни вашего внимания. Это жестокий человек!

– Вздор!

Королева стала суровее, розовые губы поджалась, став узкой линией. На бледных щеках заалели пятна.

– Не только отношение к заключённому меня в этом убедило. Вчера, как только мы прибыли, он призвал Тянку и пытался выведать наши секреты.

Королева напрыглась.

– Я предполагала, что подобное может произойти, но не думала, что так быстро. И что эта дуручка рассказала?

– Ничего.

– Ну, тогда не о чем печалиться. Значит, мы правильно сделали, что когда-то её для тебя выбрали, – женщина отмахнулась от дочери и открыла шкаф, выискивая в нём подходящее для прогулки платье.

– Это не всё, – Ивонет вновь передернуло: видение терзало воображение. – Она ничего не сказала, и король жестоко наказал её за это.

– Что он сделал?

– Он... он... – Ивонет смутилась и покраснела.

– Хватить мямлить, говори!

– Он позволил своим друзьям... над ней надругаться.

– И только? – Королева вновь расслабилась. – Тоже мне невидаль. Господа склонны иногда развлекаться. Пусть радуется, что ей не отрезали пальцы или не лишили глаза. Хотя вполне могли бы.

Ивонет ужаснулась:

– Вы говорите так, словно люди для вас – пустое место!

– Это не люди, Ивонет, это слуги. Не стоит принимать их близко к сердцу. Сегодня одна, завтра другая. Полно забивать ерундой такую хорошенькую головку. Приводи себя в порядок и выходи на прогулку. Тельман тебя проводит.

– То есть вас не волнует, что будет с Тьянкой?

– Ивонет, я не пойму, почему меня должна волновать какая-то замарашка?

– А если она не выдержит издевательств и расскажет им про моё «уродство»?

Королева напряглась, смятение отразилось на её лице.

– Не переживай, я что-нибудь придумаю. До свадьбы она больше не попадётся на глаза королю.

– И вам совсем не важно, что будет со мной?!

– А что с тобой будет? – уже не скрывала злости королева. – Каждый из нас должен чем-то жертвовать. Думаешь, я любила твоего отца, когда меня выдавали за него замуж? Нет! Я ненавидела его больше жизни, даже порывалась умереть! Но, как видишь, жива и здорова. И непомерно счастлива. Глупости молодости проходят очень быстро, и ты начинаешь осознавать своё истинное предназначение.

– И какое же ваше?

– Быть преданной своему королю и королевству. Процветание и благо Таврии – это всё, что меня волнует. Даже если процветание требует жертвы.

– Моей жертвы.

– Не преувеличивай, даже брак по расчету может стать приятным, если уметь договариваться. Если король будет к тебе холоден и не захочет прикоснуться, узнав о твоей особенности, – найдёшь себе любовника. Да хоть двоих. Только бастардов не плоди – короли этого не любят.

Ивонет закрыла уши ладонями. Слушать мать стало противно, но женщина, защищенная плотными перчатками, мягко взяла руки дочери в свои. Её лицо расслабилось, словно она никогда не боялась вот так просто прикоснуться.

– Ивонет, прошу, будь благоразумна. Если свадьба не состоится, Таврию ожидает та же участь, что и остров Ведающих. Олдрик нас уничтожит. Таврия перейдёт под правление отступника, станет рассадником скверны и нечисти. Всё живое обратится в прах. Всё, что ты любила, погибнет, и наш цветущий край станет гиблым местом. На смену вечной весне придёт зима. Если ты откажешься от брака, ты обречешь нас на медленную и мучительную смерть.

– Какое платье принцесса предпочитает для прогулки? – молоденькая служанка, которую Ивонет совсем не знала, на время заменила Тьянку.

Ивонет кивнула на сундук:

– Достань темно-серое с белым нагрудником.

– Но, принцесса, оно же для печали и скорби, – карие глаза обеспокоенно забегали. – Вы уверены?

– Да. Сегодня дождь и слякоть, не хочу пачкать другие, – слукавила принцесса. – А после пригласи сира Тельмана: хочу, чтобы он меня сопровождал.

– Слушаюсь, госпожа, – низко склонила голову служанка и поспешила выполнить приказы.

Серая шерстяная ткань прилегалась плотно и колко ощущалась на коже. Лиф без украшений душил. Чёрные волосы, собранные в косы и уложенные в виде короны, болезненно стягивали кожу, но Ивонет терпела. Всё ради того, чтобы показать себя Минфриду с другой стороны, чтобы он не обольщался и не думал, что она наивная дурочка, которая грезит об их совместном будущем.

Она – особа со своим мнением и характером, с которым придётся мириться. Единственное, что она себе позволила надеть из украшений, это подарок Минфрида. Зеленый камень. Возможно, в этом случае король не оскорбится её похоронным видом.

Когда девушка была полностью готова, в дверь тихонько постучали и на пороге появился верный страж.

– Моя госпожа готова? – Добрая усмешка в усы и внимательный прищур. – О, вижу, даже больше, чем готова. Если вы желали подчеркнуть свою скромность и добродетель, то вам это, несомненно, удалось. Главное – не попадаться на глаза вашей матери, – и он добро подмигнул.

Лицо девушки смягчилось:

– Спасибо, сир Тельман.

Старый вояка усмехнулся:

– Но почему на таком прекрасном личике столько печали? Вы совсем не рады королю? Или он успел вас обидеть?

– Нет... Да... Я не знаю, – девушка опустила взгляд и стала нервно тереть жёсткую конючую ткань. – Он галантен, учтив, достаточно молод и невероятно красив...

– И что же вас смущает?

– Я не могу понять, какой он.

– А разве это имеет значение? Вы – принцесса, и ваш долг – сделать так, как выгодно обоим королевствам.

– Знаю, королева говорит то же самое, о долге перед Таврией. Не оставляет мне выбора, но ... – плечи Ивонет поникли, она склонила голову.

– Ох, Кэти, не стоит печалиться. Я знаю, что заставило вас плохо думать о короле, но представление, которое он вчера устроил с этим несчастным, вынудило подданных трепетать не только от страха, но и от уважения. Этим он показал свою силу и власть. И не важно, альх тот мужчина или нет, но если подобное зрелище помогает держать подданных в узде, короли будут этим пользоваться. Скажу открыто: такими представлениями грешат многие.

– Возможно, но не мой отец.

– Вы слишком молоды и наивны, вы многого не знаете, хотя теперь, думаю, что это большое упущение: вы слишком ранимы. Да, король Минфрид не подумал о том, что подобное может вас ранить, но могу заверить, что он неплохой человек. Возможно, лучший претендент на ваше сердце. Я верю, что вы сможете смягчить сердце короля и сделать его чуточку добрее. Силу любви нельзя списывать со счетов. Я верю, что у вас всё сложится, дайте ему шанс...

Ивонет кивнула, и робкая улыбка расцвела на её печальном личике.

– Вот и славно, а теперь пойдёмте, я вас провожу. Не стоит заставлять короля долго ждать.

– Тельман, подожди, – Ивонет украдкой осмотрелась, словно кто-то невидимый мог подслушать, и нервно переступила с ноги на ногу: – У меня есть одна просьба. Прошу, не отказывай, это для меня очень важно. – Мужчина напрягся: просьбы от принцессы всегда заставляли его преступать закон. – Найти мне вот этот цветок, – она передала мужчине бумажку, на которой было написано «Пустоцвет».

На мгновение глаза Тельмана округлились, но потом в них появился упрёк:

– Думаю, не стоит. Один раз я приносил тебе этот цветок, и ничем хорошим это не кончилось.

Мужчина хотел смять бумажку и выбросить, но Ивонет положила ладонь в плотной перчатке на его руку и привстала на носочки:

– Я должна знать, что меня ждёт, понимаешь?

– Для чего? Вы и так скоро всё узнаете, – устало обронил мужчина.

– Тельман, прошу, лучше я узнаю наперед и успокоюсь, чем буду изводить себя сомнениями и догадками. Это невыносимо. Тельман, прошу, помоги. Я должна знать, какое будущее ждёт нас с королём.

– Ох, Кэти, ваши просьбы порой меня убивают.
Девушка порывисто обняла мужчину и горячо зашептала:
– Спасибо! Я знала, что ты не откажешь!

Глава 5

Если Ивонет Кэтрин Аллендорф надеялась проскользнуть незамеченной для матери, то сильно заблуждалась. Королева Таврии встретила её и сира Тельмана на лестнице и чуть не потеряла самообладание. Красное лицо, злые с прищуром глаза и пальцы, нервно сжимающиеся в кулаки и готовые придушить. Леди Сельга развернула дочь обратно и велела переодеться. Но не вытерпела и пошла следом. Демонстративно порвала серое платье и обрушила на дочь гневную тираду. Только поджимающее время и осознание, что короля нельзя заставлять долго ждать, вынудили леди Сельгу взять себя в руки. Она сама нашла в гардеробе ярко-синее платье с широкой серебрянной каймой по краю и рукавам и передала дочери:

– И не смей больше делать глупости, моё терпение на исходе! О великий покровитель, дай мне сил!

Перечить матери желания не было, как и напоминать, что в такую погоду подол вмиг станет грязным и испортит очарование наряда. Ивонет покорно стояла, пока служанка завязывала десятки мелких шнурков на спине и накидывала плащ.

– И не забудь надеть то украшение, подаренное королём.

– Леди Ивонет, вы, как всегда, очаровательны! Я думал, вы решили мне отказать.

Увидев на подступах к оранжерее робко застывшую девушку, Минфрид оправил черный дублет, опоясанный широким ремнем, на котором крепились ножны с мечом, дернул лапы плаща, подбитого мехом, и, широко шагая, направился встречать избранницу. Протянул руки, но она непроизвольно отпрянула. Тут же устыдилась и покраснела:

– Простите.

Король склонил голову набок, его лучистые синие глаза усмехнулись:

– Вы боитесь меня, леди Ивонет? Или Кэтрин? Слышал, вам не претит и второе имя... Могу я называть вас Кэтрин? Мне кажется, оно вам больше подходит.

Откуда король это слышал, она могла только догадываться, но поспешила отрицательно качнуть головой:

– Ивонет мне привычнее. – Почему-то имя Кэтрин из его уст слышалось, как осквернение. Девушка сжалась. Она предпочитала, чтобы её называли так только самые близкие и любимые, такие, как сир Тельман и Лима.

– И нет, я вас не боюсь, просто...

– Просто что?

– Мне неловко осознавать, что вы выбрали меня в свои спутницы. Наверняка у вас было много претенденток, любая упала бы в обморок от счастья, если бы вы предложили ей своё сердце.

– Но не вы? – это прозвучало шуткой, но уловить подтекст не составило труда. Да, не она, и что скрывать?! После того, что она увидела и узнала, ей даже находиться рядом с королём было противно. Ведь то, с каким азартом и безумством он истязал заключённого и каким способом выпытывал тайны у Тьянки, все время стояло перед глазами, доводя до боли, до тошноты.

Не дождавшись ответа, король мягко сжал пальчики принцессы в своей руке, обтянутой грубой кожаной перчаткой, и потянул девушку за собой, через благоуханный сад, где росли диковинные деревья и цветы с манящими, душистыми и сладковатыми ароматами, заглушающими боль и отчаяние.

– Поверьте, выбор был, но ни одна из них даже близко не сравнится с вами.

– Вы мне льстите.

– Отнюдь, я заметил, как вы невинны и чисты и как прозрачны ваши помыслы: ни намёка на спесь или надменность, жажду богатств или величия. Глупые, бесполезные качества, на мой взгляд, но подкупающие. Я искренне рад, что когда-то согласился на предложение вашего отца.

Они дошли до конца оранжереи, и стражи распахнули перед ними двухстворчатые двери. Король предложил выйти в сад, такой же прекрасный, как и оранжерея, и продолжить неспешную прогулку под сенью белых воздушных соцветий, свисающих с деревьев и пропускающих теплые капли весеннего дождя.

– Поделитесь, что за предложение? Я только знаю, что вы помогаете отцу, если конфликт с Вараком доведёт до войны. Но что получаете взамен? Явно не только скромную добродетель в моём лице.

– А вот ваше любопытство – это порок, но удовлетворить его я обязан. – И вновь хитрая усмешка, оценивающий взгляд и невыносимо красивое лицо, никак не вяжущееся с демоном, что за ним прячется. В этом чарующем месте хотелось обмануться и очароваться, но нелюбимые образы постоянно жалили.

– Помимо части рудников, что отойдут Далирии, наш будущий сын станет наследным принцем Таврии.

Ивонет ахнула:

– Но это невозможно!

– Отчего же? Вы не желаете своему ребенку добра?

– Нет... Да... Но наш сын должен стать наследным принцем Далирии, а не Таврии.

– Не переживайте, обязательно когда-нибудь станет, но это случится так нескоро, что королевство Таврия будет ему утешением. Два королевства под одним началом: представляете, какие открываются возможности, какая сила и мощь!

Ивонет пожалала плечами. Представлялось с трудом. Как и то, что её отец согласился на такое. Она знала, что после его смерти на трон взойдет его младший брат, принц Морис, выступающий сейчас в качестве десницы. Интересно, как он воспринял новость о том, что трон ему не достанется? Но спрашивать об этом не имело смысла.

– Вы так уверены, что у нас будет сын?

– Даже не сомневаюсь, – его глаза хитро сощурились. – И, полагаю, не один. Вы невероятно притягательная женщина, Ивонет. Могу заверить, что детей у нас будет много.

Она вновь покраснела и отвернулась.

– Полно вам смущаться, – король мягко рассмеялся. – Разве танцы не сделали нас чуточку ближе?

Ивонет нашлась с ответом не сразу:

– Если только с моими туфельками, что беззастенчиво оттоптали ваши ноги.

– О, за мои ноги не переживайте, они достаточно крепки.

Бархатистый смех и непринуждённость – всё, чтобы расположить, завлечь, одурманить. Как и сад, по дорожкам которого они гуляли, несмотря на серость и дождь. Погода не портила очарования: Ивонет вглядывалась в извилистые кроны странных деревьев, что цеплялись друг за друга ветками, словно руками, и были припорошены гроздьями крошечных лепесточков.

– Я никогда таких не встречала, – Ивонет тронула шершавую кору.

– И неудивительно. Такие растут только в Срединных землях.

– Правда?

– Правда. Я лично привозил семена.

– Вы были в Срединных землях? – не сразу поверила девушка. Ведь всем известно, что там что-то вроде тюрьмы для тех, кто наделён чарами. Волшебных существ: альвов, пикси, троллей и многих других. Она не знала, милосердие это или насмешка, но одно знала точно: это несправедливо. Почему те, кто, как говорят писания, жили до прихода людей, стали изгоями, чем-то отвратным и запрещённым? Нет, она знала историю, где довольно доходчиво рас-

сказывалось, почему так произошло, но всё равно не понимала. Неужели Изначальные, те, что были свергнуты великим Альхардом, так невзлюбили людской род, что решили его извести?

Но она помнила свое видение, то, что показало кольцо. И разговор между мужчиной и его сыном. Изначальные приютили их, дали кров и еду, помогли отстроить поселения. Или эти события прошлого никак ни связаны с настоящим? Девушка глубоко задумалась.

– А как иначе, если они – моя вотчина? Я хранитель этих земель по праву наследования. Моя задача – сдерживать живущее там зло.

– Вы говорите о тех, кто несет в себе чары?

– Обо всех, кто оступился, кто не желает жить по закону нашего славного мира. Понимаете, принцесса, ведь чары – это не только зло, важно, как ими распоряжаются. Если чары помогают устанавливать мир и порядок, как у троготов, то это добродетель. Если чары используются во вред, то это плохо.

– Но как узнать, зло в себе несут чары или нет, если любая магия считается скверной, а существо нечеловеческой расы – изгоем?

– Да, делить мир на белое и черное не совсем правильно, но другого нам не дано. Приспособиться к каждому мы не можем, легче сразу отсеять и изолировать, чем дать волю и ждать подвоха. Не желаю повторения истории, когда Изначальные объединили всех сидов и вероломно напали на людской род. Хвала нашему небесному покровителю Альхарду, который смог противостоять скверне.

– Хвала, – невесело повторила девушка.

– Ивонет, а вы знаете, – король понизил голос до шёпота, – что эти деревья слышат людскую мольбу и могут исполнять желания?

– Правда?

– Да, нужно лишь прислонить ладонь, закрыть глаза и загадать желание.

Ивонет хмыкнула. Она давно не верила сказкам, но всё же потянулась к стволу. Однако король поймал её ладошку:

– Позвольте, я сниму с вас перчатку. Дерево чувствует лишь живое тепло и энергию.

Он потянул было за ткань указательного пальчика, но им помешали. В саду появился невысокий лысенький человек с колючим взглядом тёмно-карих глаз. Если она не ошибалась, это был королевский десница, которого по какой-то причине не было ни на приветственной встрече, ни на празднике.

– Ваше величество, прошу прощения, но это срочно: дело не терпит отлагательств, – он поклонился, мазнул по Ивонет взглядом, полным настороженности и любопытства. Минфрид не потрудился их друг другу представить, стал невероятно собранным и напряженным:

– Докладывай!

Ещё один косой взгляд в сторону Ивонет.

Девушка ступевалась и тут же невзначай вспомнила, что у неё примерка платья, и поспешила ретироваться. Но краем уха всё же уловила обрывок разговора, летевшего ей в спину:

– Стихийник действительно был...

– Это я и без тебя знаю, я его видел.

– Нет, был ещё один юноша. И это он устроил погром на острове Ведающих.

– Невозможно!

– А ещё поговаривают, что артефакт душ нашёлся и это девчонка. Она может своей силой уничтожать анимусы...

– Что?! – Кажется, Минфрид не на шутку разгневался. Но что заставило его по-настоящему взречь и заставить принцессу прибавить шагу, это весть о том, что артефакт душ способен возрождать Изначальных – крылатых альвов, уничтоженных в великой войне.

Тельман сдержал обещание, и к вечеру порошок из пустоцвета был у Ивонет в руках. Немного, всего пару щепоток, но достаточно, чтобы сотворить задуманное. Хоть времени практически не осталось, но это было лучше, чем ничего.

Высыпав порошок в кубок, она залила траву кипятком, наблюдая, как вода окрашивается в красный, остудила и выпила до дна. По телу тут же прокатился жар, острый, перечный, и огненной змейкой побежал по венам.

Девушка застонала и упала на колени. Тело трянуло, боль оголила нервы, в голове нарастал гул... ещё мгновение – и взрыв до потери сознания. Ивонет сжала зубы, сдерживая крик. И, когда казалось, что терпеть уже нет сил, её отпустило. Жар стал сходить, оставляя после себя поток чистой искромётной энергии. Энергии её чар, её силы. Фиолетовая дымка с мерцающим бликами. Такая прекрасная, что невозможно оторвать внутренний взор.

Ивонет дала себе время отдышаться, посмотрела в зеркало. Бледная, но невероятно счастливая. Ведь сила, которую она обнажила благодаря напитку, разогнала не только тревоги и печали, но и наполнила уверенностью и отвагой. А самое главное, благодаря напитку она сможет заглянуть в будущее с холодным и расчетливым умом. Никаких припадков и проецирования чужих эмоций на себя. А значит, король ни о чём не догадается. И не важно, что потом наступит болезненная расплата за то, что обманула свою суть, подавила эмоции и страхи. Это будет после, а сейчас нужно торопиться: действие пустоцвета не бесконечно.

Тельман был уже на страже и, увидев свою подопечную с блуждающей улыбкой на губах, нахмурился:

– Принцесса?!

– Сир Тельман, прошу, проводите меня к королю.

– Вы уверены? – Ему померещилось, что на дне её глаз пылает фиолетовое пламя. Тряхнул головой, чтобы убедиться, но девушка уже отвернулась.

– Да, вполне, не тревожьтесь. Я ненадолго, а после вы сопроводите меня обратно, – она тепло и обезоруживающе улыбнулась.

– Как пожелаете, принцесса. – Упрёк не только в голосе, но и во взгляде, в поджатых губах и осанке. Но Ивонет было всё равно: после напитка довольно плоский мир ощущался наполненным и объемным. Запахи, звуки, краски... но, что самое замечательное, в нем не осталось места для плохого. Всё, что тревожило и изводило, стиралось, не оставив и следа. Забытый вкус свободы и мимолетного счастья.

– Принцесса Ивонет? – Если Минфрид и был удивлён, то никак этого не выказал. Отложив в сторону бумаги, которые до этого внимательно читал за широким столом в библиотеке, и вопросительно уставился на принцессу, склонившуюся в глубоком поклоне.

– Вас что-то беспокоит? Или, возможно, вас кто-то обидел? Не ожидал в столь поздний час вас здесь увидеть. – Он велел стражам удалиться и плотно прикрыть за собой дверь.

Ивонет поднялась и прямо, без стеснения посмотрела на короля. Слегка склонила голову набок и очаровательно, без жеманства и стеснения, улыбнулась.

– Не спится... С вашего позволения, я хотела бы одолжить книгу.

– Книгу?

– Да, книги успокаивают и расслабляют.

Минфрид нахмурился. Если бы он не успел узнать принцессу, то подумал бы, что перед ним другой человек. Спокойный, как вода, уверенный в себе, знающий, зачем он здесь. И явно не за тем, чтобы просить книгу.

– Вы уверены? – Король поднялся и вышел из-за стола. Опираясь на темную столешницу, тоже склонил голову набок, острым внимательным взглядом осматривая девушку. Её легкое платье в бежевых тонах, слишком узкое в груди, чтобы скрыть нежные девичьи округлости,

слегка растрёпанную косу, перекинутую через плечо, и зеленый камень, что мерно поблескивал чуть ниже ключицы и оттенял бледную, не тронутую солнцем кожу.

Ивонет сделала вид, что смутилась, и невзначай прикусила нижнюю губу.

– Простите, действительно было глупостью приходиться. Возможно, у вас важные дела, а я тут... с книгой, – затараторила она и порывисто развернулась к выходу, но Минфрид оказался стремительнее:

– Ивонет, постойте! Простите мою бестактность, – он придержал девушку за локоть, развернул к себе: – Можете выбрать любую книгу, если она поможет вам заснуть.

– Правда?

– Почему нет? Прошу, – он галантно указал на полки, забитые сотнями книг, и подал согнутую в локте руку: – Покажу вам мои любимые, возможно, они вам тоже понравятся.

– Это так любезно с вашей стороны, – Ивонет вновь улыбнулась и, понимая, что лучшего случая может и не представиться, пренебрегая приличиями и правилами, взяла короля за ладонь. Небольшая дырочка на темной ткани её перчатки в районе указательного пальца – и она смогла прикоснуться к его оголенной коже.

Думала, что её тут же затащит водоворот их совместного будущего, которое она желала увидеть, на которое направляла все внутренние ресурсы, весь свой поток. Но – ничего не произошло. Не было даже самого захудалого видения. Ивонет замерла, прислушиваясь к ощущениям, но внутри были лишь пустота и немое недоумение.

– Ивонет, с вами всё хорошо? Вы побледнели и, кажется, напряжены. – Его пальцы погладили ладонь, а после по-свойски стянули с неё перчатку. – Не стоит меня бояться.

Перчатка отлетела в сторону, и вот полностью оголенная ладонь в руке мужчины, и грубые мозолистые пальцы поглаживают её с особой нежностью. Но не это поражало и жгло до глубины души, а то, что ровным счётом ничего не происходило. Ни прошлого, ни будущего, ни чужих секретов. Это осознание так удивило, что действие травы, если и оставалось, то выветрилось напрочь. Ни спокойствия, ни умиротворения. Мир девушки треснул и перевернулся с ног на голову. Второй раз в жизни она безбоязненно касается человека и ничего не происходит. Непонятная волна тревожного предвкушения и беспокойства, стягивающее внутренности в канаты, заставили задыхаться чаще.

– Похоже, вам действительно плохо. – Минфрид подхватил трясущуюся Ивонет на руки и усадил на диванчик, поднес к её губам кубок, наполненный прохладной водой. – Выпейте, и вам станет легче.

Ивонет глотнула и заглянула в его лучистые глаза, настолько синие, что они казались бескрайним океаном, из которого теперь не хотелось выплывать. Она сама потянулась ладонью к его щеке и, замерев лишь на мгновение, тронула слегка шершавую щеку. «Невозможно!» Но не верить своим ощущениям и глазам не имело смысла. Она действительно касалась его, и ничего не происходило.

– Ивонет, может, вызвать лекаря? Вы словно увидели призрака.

– Нет, прошу, не нужно... Мне уже лучше. Гораздо лучше.

Она испугалась своей вольности и хотела отнять руку, но Минфрид не позволил, накрыв её ладонь своей.

– У вас такие мягкие и нежные пальчики... Скажите, Ивонет, зачем вы на самом деле пришли? – Его лицо приблизилось, совсем чуть-чуть, но Ивонетхватило. Её зрачки расширились, и она ощутила странную дрожь предвкушения.

– Я...

– Это всего лишь предлог чтобы увидеть меня снова?

Девушка кивнула: выдать что-то внятное уже не получалось. Касания рукой ей было мало, она желала прикоснуться второй ладонью и понять, что ей это не снится и кошмар её жизни наконец-то закончился... Девушка нервно выдохнула, скользнула взглядом по четко

очерченным губам и поймала себя на новой мысли: просто касания недостаточно, она желает большего... как в той книге про украденный поцелуй в тенистых садах. Нет, она знала, что Минфрид её обязательно поцелует после свадьбы, но не знала, как поведет себя её дар в ответ на это прикосновение. Теперь же она не боялась и желала как можно скорее ощутить то, о чём и мечтать было страшно. Эйфория подталкивала на безумства, и она не удержалась: сама подалась вперед и коснулась мужских губ. Думала отпрянуть, когда, как ей показалось, поцелуй случился, но Минфрид поймал её голову своими ладонями, нырнул пальцами в волосы и скользнул языком по губам. Осторожно, ласково, неспешно. Заставляя девушку дрожать от предвкушения и мимолетного счастья.

Когда она была готова углубить поцелуй, мужчина отпрянул.

– Простите, принцесса, это было недостойно с моей стороны, – он поднялся, оправился и усмехнулся, глядя на растерянный вид девушки и её заалевшие щёки. – Если мы сейчас не остановимся, я за себя не ручаюсь.

Он скользнул большим пальцем по её нижней губе и тут же рывкнул в сторону:

– Стража!

Когда двери отворились и на пороге показался Тельман, король вежливо попросил:

– Прошу, сопроводите мою невесту до покоев. Книга ей уже ни к чему.

– Кэти, прошу, скажи, что случилось? Тебе удалось увидеть будущее? Всё хорошо? – сир Тельман ошутимо тряхнул девушку за плечи, и та наконец взглянула на него осознанно. – Ну, девочка, не молчи, не пугай старого вояку. Кэти!

Принцесса качнула головой, осмотрелась. Как они так быстро оказались в её покоях?!

– Он меня поцеловал.

Мужчина нахмурился:

– Он тебя трогал, причинил вред?

– Нет, – задумчиво произнесла девушка. – Хотя это даже поцелуем назвать сложно, но, – Ивонет наконец обрела твёрдый голос, – мой дар спал. Сначала король коснулся моей руки, – она подняла ладонь и осмотрела её, словно впервые увидела, а после смущённо тронула губы: – Не понимаю. Я коснулась человека и – ничего. Никаких видений! Тельман, может, ты перепутал траву и я заварила что-то другое? Ответь, если это так, я должна знать! Ведь тогда это и есть мое спасение. Я смогу безбоязненно прикасаться к матушке и к отцу. – На глаза девушки навернулись слезы. – Я наконец смогу стать обычной и перестать бояться людей!

Тельман стал ещё суровее:

– Кэти, не думаю, что траву перепутали, торговка травами не стала бы обманывать королевского стража.

– Тогда я не понимаю, разве такое возможно?

– Тебе нужно отдохнуть и набраться сил. Завтра великий день, день твоей свадьбы. Я рад, что всё разрешилось наилучшим образом: значит, король Далирии предназначен тебе судьбой.

Она не помнила, когда была такой счастливой. Осознание, что её суженый предназначен ей богами, не давало крепкого сна, но давало энергию для великих свершений. Даже тревога и обиды притупились. История со стихийником забылась, а с Тьянкой – спряталась на дне подсознания. И даже Лиме не удавалось привести девушку в чувства.

– Кэти, одумайся, ещё не поздно. Ты же видела, какой он гадкий и что творит.

– Лима, это пустые слова. Я выполняю свой долг. И не могу иначе.

– Можешь, только не хочешь. Один поцелуй – и ты готова броситься к нему в объятия и всё простить.

– Ты не понимаешь, это не просто поцелуй. Он – единственный человек во всём мире, к кому я могу прикоснуться.

– Но это его не обеляет.

– Пусть, выбора всё равно нет!

Ласка оскалилась:

– Ты готова променять свою совесть на возможность касания?

– Готова. Я устала жить в постоянном страхе. Да, Минфрид не идеален и его поступки порой мерзкие, но со мной всё будет по-другому. Я вижу его неподдельный интерес ко мне и думаю, что он станет хорошим и верным супругом. А я, будучи умудрённой, постараюсь сделать его мягче, ведь любовь порой творит чудеса. Не будет больше издевательств и попыток на потеху толпы, не будет казней и пренебрежительного отношения к слугам.

– Кэти, твоя наивность порой граничит с глупостью, – фыркнула ласка и скрылась в спальне. Если бы могла, наверняка громко хлопнула бы дверью. Но девушка не обиделась, она искренне верила в сказку о том, что любовь творит чудеса и что она сможет обуздать непростой нрав короля и смягчить его сердце.

Наконец суматошный день подошел к концу. Ивонет стояла возле храма, к которому её привезла помпезная карета, запряженная четверкой гнедых лошадей, и нервно теребила свой кроваво-красный наряд, расшитый золотой нитью по узкой спине, лифу и широкой юбке, уходящей в длиннющий шлейф. На плечах – мягкая накидка из меха снежного бейра. На голове – изысканное переплетение черных кос, сложенных в корону, а сверху – изящный серебряный обод с мелкими жемчужинами и бриллиантами. На запястьях – браслеты из того же металла и жемчуга. На лице – серебристая сетка с мелкими алыми камушками на перекрестьях.

– Ивонет, не стой! – шепнула за спиной дочери леди Сельга и тихонько подтолкнула её вперед. Ивонет шагнула – и её тут же взяли в кольцо стражи короля. Одним из них был Тельман, и, несмотря на то, что мать шла рядом, поддержку она чувствовала именно от него.

Храм, как и положено второму по значимости в королевстве зданию, был величественным и огромным. Ивонет казалось, что, если захотеть, тут можно разместить всех жителей Далирии. Своды до небес – к ним трудно запрокидывать голову, стены – полированный мрамор с выбитыми на них высказываниями из Великой Книги Истин, написанной самим Альхардом, его мудрыми изречениями и постулатами. Подсвеченные сотнями ламп и окутанные густым дымом ароматных трав, они казались парящими в воздухе и были готовы проникнуть в сердце каждого, кто начнёт читать. И, конечно, статуи, их тут были десятки. Верные воины и первые последователи Альхарда, которым тоже поклонялись.

Ивонет невольно вспомнила Янара – парня из видения, и её взгляд скользнул по ближайшим статуям, ища мимолетное сходство. Глупо, но это, по крайней мере, отвлекло от роящихся внутри чувств и мыслей. Каждый шаг – как по краю пропасти: стоит оступиться – и полетишь в бездну. А вокруг – люди, множество знати и челяди, глядящие с жадным любопытством и неприкрытой завистью. Ивонет казалось, что гнусный шепоток теперь будет преследовать её еще очень долго.

Она поднялась по ступеням не спеша, боясь оступиться, и встала напротив короля. Во всём белом, с меховой мантией кровавого цвета, он казался божеством не меньше, чем статуя Альхарда в стороне от них. То же величие, выправка, ленивая надменность и уверенность в осанке. Но, в отличие от божества, у короля был теплый и восхищенный взгляд и легкая улыбка, которые пока могла видеть лишь она, так как голову его покрывал глубокий капюшон.

Пока жрец возносил хвалу богам и вещал о великом дне слияния двух королевств, они смотрели друг на друга. И впервые в жизни Ивонет не было страшно: она неустанно благодарила богов, что пустоцвет вчера не подействовал и она не заглянула туда, куда не следует.

Наконец жрец завершил заунывную речь и дал слово королю. Ивонет напряглась.

– Я, Минфрид, король Далирии и правитель Срединных земель, властитель Ледяных чертогов и глава Совета Пяти, перед людьми и перед богами открываю лицо своей нареченной, дабы их память запечатлела ту, что отдает мне своё сердце и душу.

Не торопясь, король снял с лица девушки сетку, и она тяжело упала к её ногам. Его палец как бы невзначай скользнул по её щеке, и Ивонет вздрогнула. На коже тут же выступил застенчивый румянец, а в голове не осталось ничего, кроме вчерашних касаний и поцелуя. Трепетное предвкушение вновь заставило почувствовать невесомость.

– Я, Ивонет Кэтрин Аллендорф, принцесса Таврии, перед людьми и перед богами открываю лицо своего нареченного, дабы их память запечатлела того, кто отдает мне своё сердце и душу.

Дрожащими руками она потянулась к его голове и стянула капюшон, открыв не только безупречную причёску, но и корону, усыпанную черными бриллиантами. Когда подданные увидели её, по залу прошёл благоговейный шёпот, ведь эта реликвия принадлежала самому Альхарду. Его короновали ею во время великой войны, и до самой смерти он не расставался с ней, передавая по линии крови, а это значит, что Минфрид в очередной раз хотел подчеркнуть, кем он приходится божеству: прямым потомком.

Но подумать об этом девушка не успела: король уже перешёл ко второй части церемонии и потянулся к её запястью, стал снимать браслеты.

– Освобождаю вас, леди Ивонет Кэтрин Аллендорф, принцесса Таврии, от бремени невесты... – Щёлкнули застёжки, и тяжелые серебряные оковы упали, звонко брякнув о каменные ступени. Минфрид взял с подноса золотые браслеты, украшенные крупными рубинами, и застегнул на месте прежних.

– ... и провозглашаю вас своей благоверной. От сего дня и до скончания веков. Во всех существующих мирах, во славу наших королевств и ради процветания рода.

На пальце Ивонет появилось увесистое кольцо с гербом Далирии.

Праздник был грандиозным. Ивонет пьянила атмосфера всеобщего безумного веселья. Она думала, что публичности будет достаточно и в храме, но оказалось, нет: во внутреннем дворе, переходящем в главную площадь, устроили пиршество для всех, кто решил праздновать вместе с королевской четой. Единственное – придворные и челядь устроились на разных уровнях: простой люд внизу, под бдительным надзором стражи, а знать – на втором этаже, на огромной террасе. И казалось, что в этот день практически стёрлись границы между богатыми и бедными. Веселились и радовались беззастенчиво и от души все гости.

Ивонет восседала в высоком кресле рядом с королем, и ей было прекрасно видно то, что творилось внизу. Это было занимательно. Она заприметила пару знатных дам, которые, хихикая, убежали танцевать на нижнюю площадь. Их цветастые юбки мелькали в толпе озорными огоньками.

Потом на площадь вынесли запеченные туши, наполнив улицу и ближайшие районы непередаваемыми ароматами мяса, и стали раздавать куски всем желающим. Хмелья не было, видимо, во избежание дурных последствий, и каждого, кто приходил пьяным, стража выводила прочь.

После было выступление странствующих артистов на помосте, сооруженном в центре площади. Минфрид похвастался, что это лучшие комедианты королевства и что для них было честью приехать на праздник. И правда, от их зарисовок и кривляний было неимоверно весело: от смеха зрители хватались за животы, а из глаз брызгали слёзы.

За ними шли выступления факиров. Своим огнем они разогнали от себя самых любопытных и начали выделять невообразимые пируэты. Огонь словно был продолжением их

рук и подчинялся беспрекословно: выбрасывал снопы цветных искр, изрыгался из ртов, как будто факиры были драконами, и собирался в огненные шары.

Ивонет не сразу оторвала взгляд от помоста. Даже когда факиры ушли под общий гул оваций, она смотрела перед собой.

– Понравилось? – Король наклонился к ней и обжег хмельным горячим дыханием. Было стыдно признаться, но его близость чувствовалась необычайно остро, будоража кровь, и занимала большую часть мыслей. Хотя, возможно, всему виной дакийское вино. Ведь на него было легче всего списать своё душевное состояние.

– О, прошу, не смущайтесь, – король лукаво подмигнул. – После полуобнажённых факиров вам уже нечего стыдиться.

Краски на лице девушки стало ещё больше. Она честно пыталась не рассматривать мужчин на помосте, но было трудно: литые мышцы худощавых тел беззастенчиво притягивали женские взгляды.

Король посмеялся и сжал ладонь невесты. Потом пристально посмотрел в её глаза:

– Бойтесь меня?

– Нет, – честно ответила Ивонет, не опуская взгляд. И, кажется, дышать стало труднее.

– Тогда предлагаю сбежать.

Не успела Ивонет подумать, о чём идет речь, как король потянул её за руку и повел за собой. Придворные тут же расступились, провожая короля и королеву. В спину полетел шепоток и смешки. И если короля они только подзадорили, то Ивонет смутили до дрожи. Она нашла взглядом мать, но та, как всегда, была холодна и непоколебима. Лишь легкий кивок, как подбадривание, и натянутая улыбка. Конечно, она ещё не знала, что Ивонет может касаться короля, и поэтому переживала. Опрокинула в себя очередной бокал вина и ушла в тень.

– Вы уверены, что стоит покидать гостей в разгар празднества? Они не сочтут это оскорблением?

– Ну что вы, Ивонет, они же всё прекрасно понимают...

– Понимают что?

– Как нам не терпится узнать друг друга получше. – И взгляд, такой жаркий, что невозможно устоять.

Возле покоев короля она помедлила, а когда переступила порог и дверь закрылась, замерла испуганной ланью. Она знала, что должно между ними произойти, матушка сухо поведала, но страшилась. А вдруг она сделает что-то не то и разозлит короля? Или будет настолько больно, что не она сможет терпеть и закричит, тем самым оскорбив мужчину? Боже, столько страхов всплыло на поверхность, что она не сразу сообразила, что король обращается к ней:

– Ивонет, прошу, не бойтесь, плотская любовь – это совсем не страшно и уж тем более не больно.

– Вы читаете мои мысли?

– Это не сложно, тем более у молодой леди. Подойдите, – король подал руку, и Ивонет робко шагнула навстречу, сжимая его пальцы своими. После переняла кубок красного вина и пригубила. Остальное происходило для девушки, как в тумане.

Король был нежен и осторожен настолько, насколько вообще может быть нежен мужчина, желающий женщину. Касался легко и непринуждённо, сначала стянул с тугих кос корону, которую ей преподнесли в конце свадебной церемонии. Потом неспешно убрал шпильки из волос и распустил косы, черной волной упавшие на спину. Прижался вплотную, оставил поцелуй на шее, предплечье. Освободил от душного и невероятно узкого лифа. Оголил грудь и талию и на мгновение отстранился:

– Ивонет, ты словно божество, сошедшее с небес...

Девушка покраснела и попыталась прикрыть грудь, но мужчина приподнял её голову за подбородок и заставил смотреть на себя. Мгновение, которое показалось вечностью, и – он

её целует, неторопливо и ласково, словно приручая испуганного зверька. И она открывается, тянется ему навстречу. Тело горит от прикосновений, новых неизведанных эмоций и чувств, плавится под умелыми ласками сильных рук и теплыми, настойчивыми губами. И она даже не сразу осознает, что платье спускается ниже и падает на пол, а за ним вслед падает камиза, оставляя девушку в одних лишь чулках и ожерелье с зеленым камнем.

Король подхватывает её на руки и, не размыкая поцелуй, несет к широкой кровати, бережно укладывает на белоснежные простыни и некоторое время любит её. Молочная кожа, не тронутая солнцем, спорит с белизной простыней. Черный шёлк волос раскинулся по подушкам, на щеках – алый румянец, в глазах – дикий блеск. Притягательный, зовущий взгляд, в котором хочется затеряться навсегда...

– Минфрид, прошу, сделай меня своей истинной королевой... подари мне свою любовь!

Король прикрывает глаза, словно слышать подобное ему больно, с силой сжимает резной столб, поддерживающий балдахин, и отступает назад. Глубоко вздыхает и открывает глаза, в которых теперь плещется северное море. Глыбы льда и колючий снег.

Ивонет приподнимается на локтях. Её блаженство сменяется тревогой.

– Я сделала что-то не так? Я вас чем-то обидела? – И потянула на себя простыню, чтобы прикрыть наготу, которая больше не радовала и казалась постыдной.

– Что ты, Кэти, я давно не встречал подобного совершенства. – Ещё один шаг назад и отстранённость. – Но, видишь ли, мне это не нужно.

– Не нужно?! – Девушка уселась, поджав ноги, и плотнее закуталась в простынь.

– Я очень долго живу, намного дольше, чем ты можешь себе вообразить, и плотские утехи – последнее, что меня волнует. Но, чтобы ты не разочаровалась в свою первую ночь любви, я сделаю тебе подарок. – Его улыбка вышла жутким оскалом, и Ивонет вздрогнула, вжимаясь в спинку кровати. Он поднял руку и щелкнул пальцами, как тогда с Тьянкой, и тут же из соседней комнаты вышли его друзья. Хмельные, растрепанные, но явно настроенные на продолжение свадебного торжества.

– Я не понимаю! – панически взвизгнула Ивонет, с силой сжимая края простыни. – Прогони их, прошу! Ты меня пугаешь!

– Ну что ты, милая, не стоит бояться, они не причинят тебе вреда. Только удовольствие, за которое позже ты скажешь мне спасибо. Ведь эти паршивцы – искусные любовники, они доставят тебе ни с чем не сравнимое удовольствие. Верно, ребята?

– О да, королеву мы обслужим по-королевски! Вот увидите, завтра она попросит добавки. – Блондин подмигнул и прыгнул к кровати, изображая дикого зверя.

Ивонет взвизгнула и вскочила на ноги с противоположной стороны, и умоляюще посмотрела на короля:

– А как же наш сын, наследник?!

– Ты думаешь, он мне действительно нужен? Правителю, что держит в страхе весь континент?! Скоро пять королевств станут одним, а я – единовластным правителем, как когда-то Альхард. Но если всё же забеременеешь, так и быть, посажу твоего ублюдка на трон, как наследника Таврии. Если нет – не беда. – Король развёл руки в стороны и направился к выходу.

– Вы чудовище!

– Так и есть, – оскалился он и холодно приказал друзьям: – Фас!

Глава 6

Тельман был раздавлен. Того, кто так долго был самым верным и преданным стражем юной принцессы, отлучили от должности, возложив всю дальнейшую заботу о ней и её безопасности на королевских стражей. И не важно, что Тельман был готов и дальше служить верой и правдой своей принцессе: Минфриду он был не нужен. Да, Тельману разрешили участвовать в торжественной процессии, как дань уважения, но не более. И на рассвете они с королевой Таврии должны были отправиться в обратный путь. То ли леди Сэлье не терпелось вернуться домой, то ли её решили поскорее спровадить – не важно, в любом случае, мужчина чувствовал себя паршиво.

Он упаковывал свои немногочисленные вещи, когда в дверь настойчиво забарабанили:

– Сир Тельман, прошу, откройте!

– Тьянка? – нахмурился страж и глянул за окно – до рассвета оставалась ещё пара часов. Неужели решили отправиться в путь раньше? Мужчина чертыхнулся: значит, он не сможет увидеть Кэти и попрощаться с ней. Сердце сжалось от грусти и тоски, но, открыв дверь, он в недоумении замер. Бледная, трясущаяся Тьянка напоминала восставшего из бездны. Без приглашения она протиснулась в дверь и запричитала:

– Там столько крови, словно их терзали часами... А она такая хрупкая, маленькая... Её же теперь казнят, да? – В глазах застыли непролитые слёзы и бездна скорби, страха и непонимания.

– О чем ты говоришь, дура?! – Тельман разозлился и тряхнул Тьянку, чтобы в её взгляде появилась осмысленность. – Какие мёртвые, при чём тут принцесса?!

– Она их убила. Она убила их всех...

– О великие покровители, женщина! Говори внятно, что тебе померещилось?

– Мне вчера велели ухаживать за принцессой, то есть королевой. Я узнала, что короля в покоях уже нет, и думала тихонько войти и прибраться, а заодно подготовить утренний наряд. Но когда свеча выхватила комнату, там...

– И что там?! – зарычал Тельман, теряя терпение и готовый сорваться с места.

– Она их убила.

– Кого?!

– Не знаю... – заревела девушка, скрывая лицо в ладонях.

Мир Тельмана рухнул, озноб пробрал до самых костей. Он ровным счётом ничего не понимал, но знал: Кэти не убийца, ни при каких обстоятельствах она бы так не поступила, даже если бы ей угрожала опасность. Она погибла бы сама, но не причинила вред обидчику. Тогда возникает другой вопрос: что привиделось впечатлительной Тьянке?

Мужчина рванул с места, но возле двери обернулся:

– Кто-то ещё знает?

– Никто. Я покинула королевские покои, не сказав никому ни слова, и сразу к вам.

– Охрана?

– Охрана тоже ничего не заподозрила. Они думают, что принцесса ещё спит.

– Хорошо. Тогда сиди здесь тихо, поняла?

Служанка закивала и обняла себя руками. Её бил крупная дрожь.

Тельман шагал быстро. Рука на эфесе меча нервно сжималась, мысли, всегда четкие и сосредоточенные, путались. Либо Тьянка сошла с ума, либо у его Кэти действительно приключилась беда. Думать о плохом не хотелось, но все его чувства кричали об обратном.

Возле королевских покоев Тельман помедлил. Найти причину, чтобы пройти беспрепятственно, не нашёл, да и нет такой причины, поэтому, спрятавшись за углом, опрокинул пузатую вазу на пол. Звон осколков привлек внимание одного из стражей, и тот пошёл проверить,

а когда свернул за угол, Тельман схватил его за шею и придушил. Страж потерял сознание. Но возня и выкатившийся из-за угла шлем насторожили второго мужчину. С ним Тельману тоже не пришлось возиться: точный удар в висок отправил того видеть прекрасные сны.

Не теряя больше времени, Тельман без стука вошёл в покои и... не поверил своим глазам. Всё было залито кровью. На полу с перерезанным горлом, раскинув руки, лежал труп обнажённого блондина – если Тельману не изменяла память, приближенного короля. Второго он нашёл на кровати: стеклянный взгляд в потолок, а в груди по самую рукоять воткнут кинжал.

Невозможно...

Тельман осмотрелся и не сразу, но нашёл Ивонет. Она, сжавшись, словно мышка, и обхватив себя руками, мерно покачивалась в углу и невидящим взором смотрела в пустоту. Руки и ноги покрыты чернеющими синяками, на боку в отблесках свечи виден жуткий кровоподтек, рисующий ясную картину произошедшего.

Тельман медленно прикрыл глаза, возвращая себе самообладание, и только потом подошёл и присел возле девушки, накинул на её плечи плед. Тяжело и болезненно сглотнул. Ужас красной пленой встал перед глазами. Его девочку изнасиловали, и кто?! Прислужники короля! С королевской подачи! Гнев окутал с такой силой, что стало сложно дышать. Он потянул ворот, скрывающийся под кожаным доспехом. Руки до боли сжались в кулаки. Если бы насильники не были уже мертвы, он бы с удовольствием сдирал с них кожу, медленно и мучительно, днём за днем. А после отрезал бы члены и заставил сожрать. Но что его причитания, это он прожжённый вояка, отнявший множества жизней. А Кэти – ребенок, молодая девушка, которую не только подвергли издевательствам, но и вынудили убить. Какие бы он сейчас ни подобрал слова, они не смоют душевной боли.

– Кэти... прошу, посмотри на меня.

Девушка была глуха и нема. Стеклянный взгляд и погружение в себя, словно оболочка, покинутая разумом и духом.

– Кэти, – мужчина легонько сжал её плечо, и она вздрогнула, часто заморгала и с усилием сфокусировала взгляд на родном лице.

– Тельман?!

– Да, Кэти, это твой старый приятель Тельман. Ты меня узнала?

Девушка кивнула, и из её глаз брызнули слезы. Она кинулась ему на шею и зарыдала. Горько и отчаянно. Плед слетел, но ей было всё равно, внутри словно выстудили душу, оставив пустоту и отчаянье.

– Прости, девочка, что не уберег тебя. Я должен был догадаться.

– Тельман, прошу, забери меня отсюда.

Принцессе не нужно было просить, он и так знал, что делать. Ненадолго выпустил её из объятий. Нашёл в королевской гардеробной простые штаны, рубаху и черный плащ, помог одеться. Старался не смущать, но казалось, ей действительно стало всё равно. Временами она выпадала из действительности и становилась похожа на сломанную куклу.

Накрыв её голову глубоким капюшоном, он повёл девушку к выходу. Но, наступив на красное свадебное платье, что так и осталось валяться на пороге, она присела, залезла во внутренний карман и вытащила простое колечко из серого сплава с черными прожилками. Ни секунды не колеблясь, она стянула с пальца массивное королевское кольцо с гербом Далирии и надела своё. Посмотрела на Тельмана и уверенно бросила:

– Идём!

Коридоры замка были пусты: знатные гости, в отличие от челяди, напились так, что сейчас громко похрапывали из-за закрытых дверей. Но рисковать всё равно не хотелось. Тельман толкнул одну из боковых дверей и повёл девушку вниз по узким коридорам, предназначенным

для прислуги. Когда спустились на этаж, где была кухня и обитали кухарки, встретили Тьянку с пузатой корзиной в руках.

– Госпожа!

Но Тельман приложил палец к губам и велел ей молчать. Тьянка закивала и поспешила за ними следом.

– Ты куда?

– Прошу, возьмите меня с собой, я буду помогать моей госпоже. Принцессе самой будет трудно, а вы, мужчина, вряд ли сможете ей помочь в женских делах.

Тельман помедлил лишь на секунду: обуза не нужна, но и слова Тьянки не лишены смысла. Принцессе, привыкшей к хрустальному дворцу, первое время придётся несладко, пока не научится себя обслуживать.

– Пусть идёт, ей нельзя оставаться во дворце, он её убьёт, – бросила из-под капюшона Ивонет.

Спрашивать, кто именно, не имело смысла, и Тельман кивнул.

– Только тихо.

– Мы пойдём через двор для слуг?

Тельман хотел кивнуть, но со стороны выхода послышался топот и голоса:

– Рассредоточиться, найти королеву! Обыскать каждый угол!

– Демоны! – выплюнул Тельман и повёл девушек назад. Через несколько пролетов, поняв, что замок окружают со всех сторон и каждый выход и окно под наблюдением, решил спуститься ниже. По винтовой лестнице увёл девушек в оружейную, а оттуда – ещё ниже, в катакомбы, безграничные подземные лабиринты. Часть из них служила тюрьмой, часть – путем отступления во время осады. А часть – резервуаром подводного источника, наполняющего колодцы города.

– Сир Тельман, вы знаете, куда мы идём? – испуганно бросила Тьянка, оглядываясь: ей постоянно казалось, что она слышит за спиной голоса стражи.

– Конечно, – беззаботно ответил тот, снимая со стены факел. – Все замки строят по одному принципу.

Тьянка неуверенно кивнула и сильнее закуталась в шерстяную накидку.

В какой-то момент, идя по узкому земляному коридору, они ощутили, как остро запахло плесенью и нечистотами.

– Не бойтесь, где-то рядом клетки с заключёнными. Надеюсь, мы пройдем мимо и не столкнёмся со стражей.

Но оптимистичным мыслям не суждено было сбыться. Их заметили. Слухи о том, что королева сбежала, ещё сюда не добрались, но и без этого посторонних решили задержать. Четыре охранника вышли из небольшого помещения для дозора, преградили путь и обнажили мечи.

Тьянка испуганно взвизгнула. Ивонет шагнула назад и тяжело прислонилась к стене. Если до этого шок притуплял боль, то теперь она начала ощущать каждое нанесённое ей увечье. А их было не счесть. Особенно там, внизу, словно жгли раскаленным железом и, кажется, открылось кровотечение. Каждый новый шаг был как пытка.

– Принцесса, вам плохо?

– Принцесса?! – недоуменно бросил один из стражей, и глаза его округлились.

Тельман недобро покосился на Тьянку, и та, поняв, какую оплошность совершила, прикрыла рот руками.

– Бегите вперед! – крикнул Тельман. – Я их задержу. – Он ловко увернулся от первого стражника и нанес ему удар, но пропустил мимо себя второго стража, который рьяно кинулся за Ивонет и Тьянкой. Попытался его достать, но тот ловко отбил и продолжил погоню.

Тьянка от ужаса кинулась в сторону, противоположную той, что указал Тельман, и припустила так, что только юбки засверкали. Чтобы не потерять её из виду, Ивонет пришлось бежать следом. Понимая, что у искалеченного тела не хватит сил, она нырнула в темноту ближайшего прохода. Некоторое время слышала за спиной тяжелые шаги и ругательства, но после поняла: противник либо отстал, либо повернул назад, и теперь её спутниками были лишь тяжелое дыхание, давящая темнота и холод, пробирающий до костей.

Девушка замерла, прислушиваясь. Выждала ещё время, думая повернуть назад к Тельману, но внезапно кольцо на пальце обожгло. Это было так неожиданно, что она вскрикнула и эхо побежало блуждать по темной пещере. Ивонет нахмурилась и поднесла палец к глазам. Темные прожилки на сером металле вспыхивали алым огнём и гасли, словно пульсирующее сердце, которое внезапно ожило.

Покрутив его на пальце, Ивонет, ведомая внутренним чутьем, пошла прямо и вскоре увидела, как впереди забрезжили бледные блики от флюссы. Она прибавила шагу. А когда вышла в небольшую галерею, поняла: флюссой здесь были покрыты все стены, слабо освещающие клетку с единственным заключённым. Тем несчастным, кого Минфрид назвал стихийником.

В первый миг девушка захотела сбежать: слишком страшно было здесь находиться, да и запах отталкивал, но живот скрутило и тупая боль заставила согнуться пополам. Она болезненно застонала и осела на землю.

– Ничего, ничего... сейчас немного отдохну и попробую вернуться. Наверняка сир Тельман справился со стражей и теперь меня ищет, – пробормотала она и с опаской покосилась на клетку, в которой, как ей показалось, шевельнулся заключённый.

– Авели?! – прокаркал натужный болезненный голос, и лохматая голова приподнялась.

Искалеченный узник нашёл в себе силы подняться и прильнуть к прутьям. Было видно, как его ладони жжёт флюсса, запахло паленой плотью, но, кажется, сейчас это его вообще не волновало. Не видя собеседника, он выставил вперед ухо и стал напряжённо вслушиваться.

– Авели, ответь, это ты? Я чувствую твоё присутствие, твоё дыхание... Прошу, не мучай меня снова, скажи, что это ты.

Ивонет растерялась, но, понимая, что её молчание причиняет мужчине боль, нашла в себе силы ответить:

– Простите, но это не Авели. Меня зовут Кэти.

Мужчина отступил на шаг. В его густой бороде затерялась безумная улыбка. Он выставил перед собой палец, его голова нервно задергалась. Через некоторое время узник опять приник к решётке и по-звериному принюхался. Глубоко и с наслаждением вдохнул, напугав девушку.

– Тебе меня не провести, я чувствую тебя, Авели. Скажи, наши войска прорвали оцепление? Уничтожили железную стену? Дамба смыла вражеские войска? А Райнхард и Ланар уничтожили его, стёрли с лица земли? Жаль, что не я вытряс его дрянную душу... Надеюсь, он знатно помучился! – И вновь безумный смех, пугающая улыбка. Заключённый грузно уселся на землю.

Ивонет пыталась понять, где слышала эти имена. Но потеряться в памяти ей не дали: мужчина выставил перед собой руку со свежим ожогом на ладони и начал щёлкать пальцами перед закрытыми веками. Щелкал и щелкал с завидным упорством, пока не замер и обреченно не бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.